

Kalina

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

**ДЖЕНТЛЬМЕНЫ
НЕ ЛЮБЯТ
БЛОНДИНОК**

СЕКРЕТЫ
ДАМСКОЙ
ОХОТЫ

Сыщицы-любительницы Мариша и Инна

Дарья Калинина

Джентльмены не любят блондинок

«ЭКСМО»

Калинина Д. А.

Джентльмены не любят блондинок / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
— (Сыщицы-любительницы Мариша и Инна)

В Вене Анна собиралась вести спокойную и счастливую семейную жизнь со своим третьим мужем Гербертом. Но не тут-то было! Неожиданно Герберт исчезает, а через несколько дней сообщает Анне по телефону, что ему и его друзьям, получившим обрывки старинного документа от их общего приятеля Клауса, угрожает смертельная опасность. Ведь эти обрывки – не что иное, как путь к загадочному тайнику! Не в меру любопытная Анна, вопреки требованиям мужа не влезать в это опасное дело, немедленно вызывает в Вену свою верную подругу Маришу – они должны найти и соединить воедино все имеющиеся фрагменты документа. Одной Анне ни за что не решить эту головоломку! К тому же надо поторопиться, ведь возле нее уже всюду кружит подозрительный Блондин. А в дом врываются арабы с явно недобрыми намерениями. Кажется, им всем не терпится первыми добраться до тайника...

Дарья Калинина

Джентльмены не любят блондинок

Семейный скандал всюду набирал обороты. Аня со своим третьим по счету мужем Гербертом уже не раз обменивались взаимными претензиями и даже оскорблениями. К этому дню они уже точно знали, что судьба сыграла с ними злую шутку, сведя их вместе. И для того, чтобы семейные разборки разгорались с новой силой, поводов было предостаточно.

– Единственное, о чем я пожалел на следующий день после нашей свадьбы, так это о том, что вообще на тебе женился, – в запале бросил Ане Герберт. Ничего более приятного для уха жены невозможно себе представить. Сначала Аня решила, что просто чего-то не поняла. Но нет, немецкий язык она знала в совершенстве. И все же на всякий случай в ожидании разъяснений устала на мужа. Обстановка в доме сложилась прямо-таки критическая, в душе у Ани кипело возмущение, но она молча глядела на свою недостойную половину. И не потому, что была настолько выдержанная, а просто не находила достойных этой скотины слов.

Ей ужасно хотелось шипеть разные гадости в адрес Герберта. От бессильной ярости она была готова просто биться головой об стенку. Однако делать этого не стала, а попыталась взять себя в руки, чтобы достойно отделать супруга. И ей это удалось. Все же не первый раз замужем...

– Ты подлая свинья! – собравшись с мыслями, завопила Аня. – Ты... ты...

Слов, чтобы охарактеризовать мерзкую личность мужа, у нее явно не хватало. Вернее, у нее-то как раз слов хватало. Но таких не было в родном языке супруга. Нет в немецком языке подобных слов. Просто караул! Воистину убогий немецкий!

– Во всех наших разногласиях виновата ты сама! – процедил в ответ Герберт, особо не вдаваясь в суть сказанного женой.

Говорил он это, как и многое другое, не повышая голоса. И такая его манера разговора еще больше бесила Аньку. Она еще раз попыталась довести до сведения мужа, сколь скверного она о нем мнения.

– И не кричи, пожалуйста, – невозмутимо прибавил Герберт. – Соседи подумают, что я тебя обижаю. Или что у нас в семье не все ладно.

– Удивительно, с чего бы это им так подумать? – съязвила Анька.

– Не кричи, – повторил Герберт. – Стены тонкие, все слышно. Твой голос разносится по всему дому и беспокоит соседей.

– Только о соседях ты и думаешь! Пусть все знают, что это ты довел меня до нервного срыва! – взвыла Аня. – Твоя проклятая невозмутимость кого угодно доведет до ручки. На деле тебе ведь на всех начхать! Зачем ты на мне женился?

Вместо того, чтобы ответить лаконичной фразой: «Я же тебя люблю!» – и тем самым поставить точку в ссоре, муж почему-то пустился в перечисление соображений, толкнувших его на этот шаг. У Ани хватило выдержки выслушать первые три пункта. Они были таковы: чтобы иметь горячий суп на столе к своему возвращению с работы. Видеть в шкафу всегда чистые, отглаженные рубашки. Наконец, чтобы друзья завидовали такому его благополучию...

Потом до Ани дошло, что муж, скорее всего, по-идиотски (иначе он и не умел) шутит. На ужин он обычно довольствовался разогретым в микроволновке готовым гамбургером. Готовить Аня не любила. Рубашки по неизвестной причине выглядели значительно лучше до того, как Аня проходила по ним утюгом. А друзей (Аниными стараниями) к этому моменту у Герберта почему-то не сохранилось. То есть как человеческие особи они, конечно, существовали, но в дом к Герберту больше соваться не рисковали.

– С тобой невозможно жить! – поднакрутив себя, снова закричала Аня. – Тебя ведь женщины бросают, потому что с тобой нельзя жить. Ты словно кусок льда. Я прямо чувствую, как рядом с тобой сама замерзаю.

Герберт помолчал.

– Я все делаю, как ты хочешь, – наконец проговорил он. – Я начал ремонт в доме, купил тебе новый диван и этих дурацких попугаев, чтобы тебе не было скучно. Этого мало?

– Мало, – подтвердила Аня. – Мне необходимо общение. А ты со мной не разговариваешь. Чтобы привлечь твое внимание, мне нужно устроить скандал. Тогда ты меня замечаешь. Но ведь я не могу жить в постоянном нервном напряжении!

– Ты опять нашла что-то из вещей Кристи? – проницательно догадался Герберт. – Или копалась в моей записной книжке? Да? Как ты ее вообще обнаружила?

Аня почувствовала, что краснеет. Герберт ошибся самую малость. Аня и в самом деле рылась, но не в его записной книжке, которую просто не смогла найти, а в его сотовом телефоне. Он у супруга был последней модели, фиксировал все поступившие за день сообщения. Эта модель словно была создана специально для жен неверных супругов.

– Она снова тебе звонила! – закричала Аня. – Можешь не отпираться. Я по твоей роже вижу, что права.

– Сколько раз я тебе говорил, чтобы не смела за мной следить! – неожиданно сорвался на крик Герберт.

Это было настолько удивительно, что Аня застыла с открытым ртом, позабыв, что собиралась сказать. Вдобавок орать муж совершенно не умел. Сказывалось отсутствие практики. Анну буквально сразил высокий фальцет Герберта, да еще с визгливыми нотками. Жена закусила губу, потом прикрыла рот кулаком, потом отвернулась, но смех все же вырвался наружу.

Герберта перекосило. Он пулей подлетел к дверям комнаты.

– Я уйду! – бросил он. – Не жди меня.

Ане враз стало не смешно.

– Куда это ты собрался? – с подозрением осведомилась она, но муж не удостоил ее ответом.

Он удалился в ванную комнату, заперся там и, судя по звукам, принялся приводить себя в порядок. Мыться и бриться. Аня ждала и терзалась. Скандалить как-то расхотелось. Из ванной супруг появился ровно через двадцать минут, совершенно спокойный и благоухающий. Он надел свежую рубашку, которую выгладил собственноручно у Ани на глазах. И нацепил новый галстук...

– Куда ты в таком виде собрался? – просто озверев от такой его наглости, взвизгнула Аня. – К ней?

Герберт, ничего не ответив, прошел в холл и принялся надевать ботинки, предварительно протерев их мягкой замшевой тряпочкой. При этом он насвистывал какой-то веселенький мотивчик и в упор не замечал Аню. Словно ее тут и вовсе не было. Так и не соизволив проронить ни слова, Герберт надел куртку, взял ключи от машины и вышел из дома.

– И проваливай! – бросила ему вслед Аня. – Чтобы духу твоего тут не было! Видеть тебя больше не хочу!

И чтобы окончательно прояснить мужу весь ужас его положения, Аня добавила:

– Никогда! Вернешься, меня тут уже не будет. Я улетаю домой. К маме!

Если Герберт и испугался, то виду не подал. Ане даже показалось, что его свист стал еще бодрее...

– Подонки! – в сердцах выдохнула Анька, когда муж уселся в свой новенький «БМВ», тоже, между прочим, последней модели, и укатил в неизвестном направлении. – Чтобы тебе убиться на твоей тачке!

Последняя фраза у Ани прозвучала очень убедительно. Она и в самом деле сейчас искренне считала, что супругу было бы лучше умереть, чем ехать к любовнице. Оставшись одна, Аня почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Пока она ругалась, слез не было, один азарт. А теперь – на тебе.

– Не реви! – приказала Аня себе. – Все равно пожалеть некому. Одна ты тут. Пропади она пропадом, эта Австрия!

В Австрии, а точнее в ее столице Вене, Аня оказалась в связи со своим последним замужеством. Сначала это событие обещало райские перспективы, но очень скоро Аня разочаровалась и в муже, и в своей жизни с ним. А Вену и дом Герберта так просто возненавидела. Хотя, видит бог, сама не понимала за что.

Квартира у Герберта двухэтажная. Внизу располагается спальня и холл, на втором этаже гостиная и туалетная комната. Кроме того, на втором этаже находится еще одна маленькая комнатка, где стоят компьютер и диванчик для отдыха. В квартиру можно попасть двумя способами. Либо подняться по лестнице на второй этаж и оказаться в гостиной, либо пройти через садик и оказаться прямо в спальне.

Садик совсем небольшой, этак восемь на пять метров. И в нем растут лишь два кипариса и какая-то трава. Герберт предлагал Ане в виде развлечения заняться тем, что посадить в садике цветы, разбить клумбы. Однако к этому времени Аня уже успела проникнуться отвращением и к садику тоже. Так что этот клочок земли остался без цветов.

По вечерам муж в палисаднике сам копался, выпалывал на газоне сорняки, что чрезвычайно бесило Аню. То есть бесил ее не сам факт, что Герберт копается в земле, а то, что копается он, проявляя полнейшее равнодушие к Ане. Все это, конечно, было очень сложно. Но Анька явственно чувствовала, что с замужеством поторопилась. Супруг был старше ее на какие-то пятнадцать лет, но скучно с ним было невообразимо. У Ани бывали поклонники и постарше, но такой тоски она даже с шестидесятилетним старцем не испытывала.

– Ненавижу! – пробормотала себе под нос Аня. – Этот дом и Австрию.

И, рыдая, незадачливая супруга поплелась к телефону. Она набрала номер мамы, но там никто не снял трубку.

– Ах да, – вздохнула Аня. – Мама же на работе. Одна я тут без дела кукую. Несчастный я человек. Ни на что не гожусь!

Эта мысль так расстроила Аню, что она снова зарыдала. Немного успокоившись, женщина дрожащими руками нашла себе валокордину и валерьянки, которые прихватила с собой из России. А потом снова сняла трубку. На этот раз она звонила Марише. Подруга была дома и сразу же подошла к телефону.

– Мариша, я погибаю! – прорыдала Аня. – Это не замужество, а какой-то кошмар!

– Он тебя бьет? – бодро поинтересовалась Мариша. – Если бьет, разводишь.

– Он меня уничтожает морально, – сказала Аня.

– Как это? – искренне удивилась Мариша.

Аня в который раз позавидовала толстокожести своей подруги. Чтобы Мариша почувствовала себя несчастной, мужчине нужно как минимум сломать ей пару конечностей или причинить какой другой урон ее внешности.

– Он словно меня не замечает, – пояснила Аня.

– И это постоянно? – снова удивилась Мариша. – А зачем он тогда на тебе женился?

– Не знаю, – в отчаянии пролепетала Аня. – По-моему, он и сам не знает. Я спрашивала, он только руками разводит.

– Может, польстился на твои деньги? – высказала предположение Мариша. – Что ни говори, а после Вернера тебе досталось неплохое наследство. Сколько там? Миллиона два наберется?

– Что ты! – ужаснулась Аня. – После продажи дома и уплаты всех налогов осталась сущая ерунда. Тем более что сейчас все переведено в евро. Не знаю, что куда делось. Но у меня на счету осталось не больше пятидесяти тысяч евро.

– А сколько Герберт зарабатывает? Ты узнавала?

– Около трех тысяч евро в месяц, – сообщила Аня. – Во всяком случае, примерно столько мы с ним тратим.

– Выходит, что женился он на тебе не из-за денег, – рассудительно заметила Мариша.

– Конечно, нет. Он про мои деньги и знать-то не знал. Ни тогда, ни сейчас.

– Как так?

– А так. Я ему не сказала, вот он и не знает, – гордо ответила Аня.

– Хорошо, ты не сказала. Но ведь могли сказать ваши общие знакомые, – предположила Мариша.

– Ты чего? – расхохоталась Аня. – Я же с Гербертом по переписке познакомилась. Никаких общих знакомых у нас с ним до женитьбы не было.

– Как, и с этим тоже по переписке? – ахнула Мариша. – Ну и везет тебе. И как это у тебя получается?

– А я разве не рассказывала тебе? – удивилась Аня. – Ну, это очень просто. Берешь купон бесплатных объявлений, пишешь, что хочешь познакомиться с целью замужества и отсылаешь в газету. Так делается у вас в Питере. И здесь тоже примерно так. А потом только сидишь и письма сортируешь. На самые приглянувшиеся отвечаешь и фотографии высылаешь.

– И Герберт тебе написал?

– Да. Сначала он мне понравился. После смерти Вернера я немного заскучала. Этот Сережа, ну который из ФСБ, помнишь?

– Помню.

– Тоже еще тот типчик. Сразу после нашей свадьбы оказалось, что он вечно занят. Вечно где-то мотается по своим делам. Мы с ним прожили почти год, но видела я его за это время в общей сложности не больше недели. Наконец мне это надоело, я с ним развелась.

– И нашла себе Герберта, – закончила за подругу Мариша.

– Да. Знаешь, иногда я думаю: а не ошиблась ли я, бросив Сережу? Хоть он и редко появлялся, но зато весь был мой. Мы с ним шутили, ходили гулять. С ним было весело. А с Гербертом тоска. Все думает о чем-то. Я даже начинаю подозревать, что он психически больной человек. Например, встанет в половине шестого утра и мчится со всех ног бутылочки протирать.

– Какие еще бутылочки? – захохотала Мариша.

– Ну, из-под минеральной воды. Их сдавать нужно. Протирает и что-то бубнит себе под нос. Три бутылки может целый час протирать. А как он ковер пылесосит! Это нужно видеть. Сто раз по одному месту проводит. После его уборки ковер, хотя он к полу гвоздями прибит, весь волнами делается. Так усердно он его пылесосит.

– И к вам еще уборщица ходит, – снова захихикала Мариша. – Что ей у вас делать?

– Кстати, сегодня должна была прийти, – вспомнила Аня. – Странно, нет ее. Нужно позвонить, может, что случилось у нее. Позвоню, пока Герберт не вернулся. Ну, пока!

Мариша, радуясь, что настроение у подруги улучшилось, повесила трубку. В следующий раз Аня позвонила ей через полтора часа.

– Слушай, ничего не понимаю, – взволнованно сказала она. – Уборщицы моей нет дома, а ее муж говорит, что она ушла ко мне еще три часа назад. С ней точно что-то случилось.

– А она старенькая?

– Кто?

– Уборщица твоя.

– Нет, наша ровесница или чуть старше, – ответила Аня. – Ей лет тридцать. Мы с ней даже немного похожи. Она из Словакии. Только немного потолще меня будет. Не удивительно,

родила двоих детей. Говорит, что после второго ребенка очень располнела. Лада ее зовут. Слушай, ну что же с ней могло случиться?

– Не зна-аю, – протянула Мариша.

– И Герберта нет, – вспомнила Аня.

– Так ты же ему велела навсегда убраться, – напомнила Мариша.

– Ну это же я так. Куда он из своего собственного дома пойдет? – удивилась Аня. – Наверняка к своей бабе поехал. К этой Кристине. Уверена, что у них до сих пор что-то есть.

– А ты ее видела?

– Вот еще! – фыркнула Аня. – Нужно мне со всякой швалью общаться.

– Но ты же говорила, что фотографии этой бабы по всему дому у Герберта валяются. А ты на них натыкаешься и расстраиваешься. Ты же мне сама не один раз звонила и рыдала по этому поводу. Забыла?

– А, ну на фотографиях я ее, конечно, видела, – спохватилась Аня. – А в реальной жизни нет.

– Ну, и какая она на фотографиях?

– Страшная, словно смерть, – уверила Аня. – Тошная, курит без остановки и пьет. Жуткая особа. Волосы в разные стороны торчат. И выглядит лет на пятьдесят. Вся в морщинах. Я тебе не вру.

– То есть она старше Герберта?

– Да, ненамного, – согласилась Аня.

– И ты думаешь, что твой муж сбегает от тебя, молодой и красивой, к этой старой мегере?

– Откуда я знаю? – снова расстроилась Аня. – Я это подозреваю. Она же его любит. Деньги ему в долг дает и обратно не требует. И куда же еще он мог напоядаться, надушиться и нарядиться? Не в кабак же вино с алкоголиками пить.

– Да, странно, – согласилась Мариша. – Но ты не переживай. У меня Мишка, когда мы, бывало, поссоримся, тоже нарядится и выскочит из дома с криком, что уходит, мол, навсегда. А потом походит-походит вокруг дома с полчаса, проветрится и домой возвращается. Так что твой тоже вернется.

Аня вздохнула. В душе она была согласна с подругой, но все равно стало тревожно.

– А где твой Миша? – спросила она. – Вы с ним так и не помирились?

– Мы и не ссорились, – ответила Мариша. – Просто он снова вернулся к своим преступным делишкам. И я велела уматывать из моего дома. Очень мне нужно в собственном доме живую мину иметь. Натвори он чего, ко мне его братки явятся и начнут требовать что-нибудь. А не братки, так менты приплывут. Нет уж, хватит с меня нервотрепки. Пусть сам живет как хочет. Он тут пару недель назад звонил.

– Да? – обрадовалась Аня. – Миша славный парень. Не забывает. Чего хотел-то?

– Я не поняла, – ответила Мариша. – Он очень спешил, и связь была с помехами. Но то ли я должна куда-то ехать, то ли ко мне кто-то должен был приехать, я не поняла. А может, кто-то другой к кому-то должен был приехать, а я должна была проследить. Но мы с Мишкой не договорили, когда связь вообще прервалась. Так я ничего и не поняла. И на всякий случай из дома слиняла аж на целых десять дней, пока там они друг к другу ездят. Мне плевать, пусть ездят. Но только без меня. Недавно только вернулась. У мамы отсиживалась.

– Решительная ты, – позавидовала Аня. – Я вот тоже давно подумываю Герберта бросить, а все не решаюсь. Как, думаю, одна, без мужа, буду?

– А сколько ты замужем?

– Уже полгода.

– Ну, еще полгода потерпишь и решишься, – утешила Аню Мариша. – Я вот Мишку несколько лет боялась прогнать. Все думала, что любит он меня и без меня пропадет. А потом так со всех сторон припекло, что плевать мне стало и на любовь, и на жалость. Свою голову бы

спасти, и то славно. Мне сложнее было, Мишка у меня дома жил. Его долго пришлось убеждать в том, что он тут больше не живет. А ты взяла вещи и ушла. Без скандала. Чего нервы даром тратить? Все равно ничего своему Герберту ты не докажешь. Вот сейчас прямо и начинай вещи собирать. И этому твоему Герберту урок будет. Он возвращается, а жена уже на чемоданах сидит и билет на самолет у нее уже забронирован. Вот и посмотришь, будет он переживать или нет.

– Да, – взбодрилась Аня. – Пожалуй, ты права. Это идея. Пойду собираться.

И она повесила трубку. Мариша несколько минут смотрела на телефонный аппарат, раздумывая, пойти ей в магазин за сливками или, плюнув на сливки, подождать Аниного звонка. В конце концов она решила остаться. На улице было ветрено и хмуро. Интуиция в который раз Маришу не подвела. Следующий звонок от Ани раздался ровно через час и десять минут.

– Слушай, я вообще ничего не понимаю, что происходит, – сказала подруга в трубку. – Герберта до сих пор нет. Представляешь, я впопыхах выгребаю все свои шмотки из шкафов и запикиваю их в чемодан. Прямо так комом и пихаю, потому что думаю, времени совсем нет. В итоге укладываюсь в рекордное время, а этой скотины до сих пор нет дома. Я ему звонила на мобильный, так он его отключил. Точно с этой бабой сидит. А билет на самолет я забронировала на завтра. И знаешь, что самое странное? Сейчас в дом ломились какие-то люди. Знать их не знаю.

– А что они хотели?

– Тоже не знаю, – ответила Аня. – Я им не призналась, что я – это я.

– Почему? – удивилась Мариша.

– Не знаю, мало ли что. Чего мне с ними в дебаты вступать? Сказала, что я уборщица, а хозяев нет дома. И дверь им не открою. Пусть хозяев ждут, если хотят.

– А они?

– Выслушали и ушли. Я думала, может, они что про Герберта знают. Мало ли – в катастрофу попал или с сердцем на улице плохо стало. Может, эти люди пришли мне об этом сказать. Я у них спросила, не видели ли они Герберта. А они сказали, что нет, не видели.

– А где они сейчас? – спросила Мариша.

– Говорю же тебе, ушли, – повторила Аня.

– У тебя есть возможность незаметно выглянуть на улицу? – спросила Мариша.

– Я могу выглянуть в окно гостиной, – сказала Аня. – А зачем?

– Может быть, эти люди все еще там, – предположила Мариша. – Нужно же тебе их Герберту описать. Они же к нему, в конце концов, приходили. Может быть, какие-то деловые партнеры. Иди посмотри. Потом мне перезвонишь.

Аня снова повесила трубку. Мариша осталась ждать возле телефона. По спине у нее пробежал неприятный холодок. Обычно он предвещал что-то нехорошее. На этот раз Аня перезвонила быстро.

– На улице никого нет, – сообщила она. – И рассматривать мне их нечего. Я и так через «глазок» их хорошо рассмотрела. Ничего необычного. Только один со шрамом на подбородке. А сейчас я иду к своей уборщице. Я ей звонила, у нее никто трубку не снимает. Я тревожусь. Схожу узнаю у ее мужа что-нибудь. Может, она в больницу угодила.

– Если у них никто трубку не снимает, наверное, никого дома нет, – предположила Мариша. – Так чего идти?

– А я подожду, – заупрямилась Аня. – Ладно, я тебе сегодня еще перезвоню.

Но она не перезвонила. Вечером Мариша уезжала в гости к своему другу Васе. Он работал опером в милиции, свободные дни, а тем более вечера, у него выдавались редко. И к тому же Вася был давно и безумно влюблен в Маришу. Поэтому ночевать Мариша осталась у него. Домой она вернулась лишь на следующий день, ближе к вечеру. Телефон словно только ее и дожидался, начал звонить, стоило Марише переступить порог.

– Где ты шатаешься? – гневно набросилась на нее Аня. – Звоню тебе, звоню. Думала, что ты тоже пропала.

– Ну что у тебя? Герберт появился?

– Пришел. Вчера через час после того, как я вернулась от моей уборщицы, он и заявился. Цветы принес. Сказал, что виноват. Что эгоист, но меняться не будет, так как уже стар для этого. Просил, чтобы я не уезжала.

– В общем, у вас мир?

– Мир, – согласилась Аня. – Только все равно очень скучно. И единственная моя подруга пропала. Я вчера сразу же после того, как с тобой распрощалась, пошла домой к Ладе. И ее не было. Ни ее, ни ее мужа. Правда, муж потом вернулся. Оказывается, он ходил забирать детей от соседки, которая с ребяташками сидит. А Лада так и не появилась. Сегодня муж с утра пошел в полицию заявлять о пропаже. Как подумаю, что с уборщицей могло что-то случиться, так мороз по коже.

У Мариши, хотя она не была знакома с пропавшей женщиной, по коже мороз тоже пробежал.

– И двое детей остались, – продолжала придаваться отчаянию Аня. – Совсем крошки. Жалко их, ужас!

– погоди ты, может, еще найдется твоя подруга, – попыталась утешить ее Мариша. – Мало ли куда она могла пойти. Кстати, а ты Герберту про вчерашних визитеров, которые его искали, рассказала?

– Нет, – расстроилась Аня. – Забыла. Ну, ничего. Он сегодня обещал вернуться рано. Мы должны по магазинам пройтись, куртку мне выбрать. Герберт с работы уже выехал. Вот приедет, и я ему скажу. Ой, вот и он! Ну все, пока!

Мариша повесила трубку и в полном недоумении пожала плечами. Недоумение относилось к неприятному ознобу, который продолжал ее тревожить.

– В чем же дело? – вслух поинтересовалась Мариша, и вопрос ее, как и следовало ожидать, остался без ответа. Пожав плечами, женщина отправилась в ванную приводить в порядок свои волосы. Волос у Мариши на голове было много. Даже очень. И напрасно кое-кто из женщин, у кого волос меньше, завидуют тем, у кого их больше. Например, Мариша с радостью подарила бы добрую их половину какой-нибудь лысой гражданке. Так кипа своих волос ей досаждала.

Самым ярким переживанием детства Мариши было, когда мама причесывала ее перед походом в гости. Отправляясь к фотографу, родительнице приходилось выбирать, что ей предпочтительнее запечатлеть. Либо дочь с полными слез глазами, но с бантом в красиво уложенных локонах, либо ее сияющую мордашку, но с невообразимым беспорядком на голове.

Наиболее простым решением всех проблем явилась стрижка. И в начальные классы Мариша отправилась с самым коротким в мире каре. Но и тогда ее волосы нуждались в ежедневном и даже ежеминутном присмотре.

Вот и сейчас девушка видела в зеркале густую и пышную шевелюру из выющихся прядей светлых волос. Мариша два дня не прикасалась к прическе. Все времени не хватало. И еще вчера в волосах образовались спутанные комки. Но вчера с их количеством еще можно было смириться или как-то справиться. А сегодня количество комков переросло все допустимые пределы. Напрашивался вывод: волосы следовало вымыть.

Вздыхнув, Мариша сунула голову под струю воды. Затем она по очереди использовала весь арсенал по уходу за волосами. Сначала шампунь, потом бальзам, а затем еще один бальзам, который должен был помочь расчесать мокрую копну завитков. Но хваленое заморское средство спасовало перед Маришиной гривой. Добрые пятнадцать минут Мариша пыталась продрасть сквозь спутанные золотистые дебри.

– Вот черт! – выругалась раздосадованная Мариша, когда третья поломанная расческа отправилась в мусорное ведро. – Что же делать?

Вопрос и в самом деле был немаловажным. Остаться в таком виде Мариша никак не могла. До мытья голова выглядела запущенной, но высунуться на улицу все же было можно. А теперь... Теперь на голове у нее выросло нечто невообразимое. И Мариша поняла, что без посторонней помощи ей не обойтись...

Наспех замотав голову большим платком, Мариша выскочила на улицу и помчалась в ближайший салон красоты.

– Какую прическу желаете? – вежливо поинтересовался у запыхавшейся клиентки молодой мастер, когда она плюхнулась в его кресло.

– Никакую, просто расчешите меня, – ответила Мариша и сняла платок.

При виде Маришиной головы мастер онемел. Потрогав Маришины волосы, он уверился, что этот кошмар ему не снится.

– Но их невозможно расчесать! – выдавил он из себя. – Никогда ничего подобного не видел.

– Не много же вы повидали в жизни, – ехидно заметила Мариша. – Я с этим уже четверть века живу.

Парикмахер взвесил на руках волосы Мариши и уважительно прищелкнул языком.

– Должно быть, тяжело постоянно таскать на голове такую тяжесть, – с сочувствием сказал он. – Хотите, попытаемся убрать лишнее?

– Как это? – подозрительно прищурилась Мариша.

– Увидите, – загадочно ответил мастер. – А пока закройте глаза.

Мариша послушно закрыла глаза и на полчаса погрузилась в мысли о том, как в далекой Вене поживает ее подруга Аня. И во что в очередной раз ее угораздило влипнуть. Впрочем, сейчас подруге вроде бы ничего не угрожало. Под присмотром своего мужа она даже выбирает себе куртку... Но Мариша ошибалась.

Никакой куртки Аня себе не выбирала. Они даже и в магазин-то не пошли, хотя и собирались. Вернее, пойти-то пошли, но с полпути вернулись назад. Черт дернул Аню рассказать Герберту о вчерашнем странном визите неизвестных парней. Услышав это, Герберт явно потерял интерес к покупке куртки, заскучал и поспешил обратно домой.

И ладно бы только поспешил домой. С кем не бывает. Расхотел человек мотаться по магазинам за курткой для жены. Вспомнил, что именно в это время по телевизору интересная передача. Или неожиданно пожалел, что так и не опробовал новую «стрелялку» на своем компьютере. Все это можно понять и при желании даже простить. Ну, сначала попилить супруга как следует, а потом все же простить. Так нет же. Не доставил муж Ане такой радости. Оказавшись дома, Герберт заметался по квартире.

– Что с тобой случилось? – допытывалась у него Аня. – Почему мы не пошли в магазин?

– Уйди! – рявкнул Герберт. – Пошла вон! Займись делом. Поставь штрудель в духовку. Хоть на это ты способна?

Обиженная Аня вышла из комнаты. Через несколько минут она услышала, как хлопнула входная дверь. Аня выскочила из кухни и помчалась к лестнице. Муж уже был внизу.

– Эй! – крикнула Аня. – Ты куда? А штрудель?

– Потом! – отмахнулся Герберт. – Ужинай без меня. Я тебе позвоню.

У Ани отвисла челюсть. Такого хамского обращения со своей персоной она вынести, конечно же, не могла. Поэтому на ужин немедленно был приготовлен пирог. И не какой-нибудь там разогретый в духовке полуфабрикат, а специальный яблочный штрудель по рецепту мамочки Герберта. На приготовление изысканного блюда Аня потратила почти весь день. И свое творение она поставила в духовку буквально несколько минут назад. Ведь, по словам Герберта, этот пирог следовало есть горячим или не есть вовсе...

Муж доставал Аню этим проклятым штруделем буквально со дня их свадьбы. Вот дался ему этот штрудель! В этот раз он даже помог Ане приготовить домашнее слоеное тесто, ездил самолично выбирать яблоки для начинки, очень суетился, предвкушая вечернее удовольствие. И вот теперь, когда пирог после всех страданий был почти готов и его оставалось только вынуть из духовки и съесть, муж исчезает!

Привыкнув доводить дело до конца, Аня проследила, как штрудель румянился, и вытащила его из духовки. Она смазала его маслом, посыпала сахарной пудрой и принялась ждать мужа, с удовольствием наблюдая, как его любимое лакомство остывает и теряет свой вкус. Когда, по мнению Ани, пирог достаточно его потерял, она отрезала себе кусок и принялась жевать.

И тут раздался телефонный звонок. Аня сняла трубку, надеясь, что это звонит Герберт с извинениями.

– Ганс! – пролаял в трубку грубый мужской голос. – Ты почему не подходишь к телефону? Ганс, ты повел себя просто как подонок! Ты меня слышишь?

Аня была просто ошеломлена. Мало ей собственных бед, так еще всякие незнакомцы будут звонить и оскорблять.

– Вы ошиблись номером, – холодно ответила Аня. – перезвоните.

Мужчина так и поступил и перезвонил Ане буквально через несколько секунд.

– Вы не туда звоните, – потеряла терпение Аня. – Нету здесь никакого Ганса. Слышите? Сами вы подонок! Набирайте правильно номер, вот что!

Трубку повесили, и Аня пошла доедать свой кусок пирога. На душе было как-то пакостно. Снова раздался телефонный звонок. На этот раз говорила женщина. Аня мигом насторожилась. Голос был ей знаком. Это звонила та злобная Кристина, с которой Герберт так и не соизволил окончательно порвать после свадьбы с Аней.

– Алло, можно Герберта к телефону? – спросила Кристина.

От такой наглости у Ани окончательно помутилось в голове. Должно быть, поэтому она и ответила нахалке.

– Его нет, – леденя от звуков собственного голоса, сказала Аня. – И не беспокойте нас больше. Герберт не хочет с вами поддерживать отношения и просил меня вам это передать.

– Его нет дома? Он уехал! – неожиданно оживилась Кристина. – Давно?

Аня просто онемела от возмущения. Затем она осторожно положила трубку на рычаг. Несмотря на то, что, сдержавшись, она не устроила скандала, сердце у Ани стучало, словно отбойный молоток. Последние сомнения испарились. У ее мужа с этой отвратительной Кристиной был роман. И, судя по всему, он продолжался за спиной доверчивой Ани уже многие месяцы. А сейчас Герберт, конечно же, помчался к этой твари, даже не пожелав попробовать стряпни своей жены. И не купив ей куртку.

– Ах, тварь! – взвыла от бессильной ярости Аня. – Убить тебя мало! Ну, Герберт, вернись только домой. Живым не уйдешь!

Так как мужа под рукой не оказалось, Аня сорвала зло, запустив в стену вазочку, которая давно ее раздражала. Почти сразу же в дверь позвонили. Даже не подумав о том, что у мужа есть ключи от квартиры и звонить ему незачем, Аня промчалась в прихожую и распахнула входную дверь.

По пути к двери в ее руках таинственным образом оказалась тяжелая металлическая колотушка, инкрустированная слоновой костью. Обычно это произведение африканского искусства украшало собой стену в холле. Дверь Аня распахнула стремительно и, естественно, стукнула стоявшего за ней человека. Ни капли не сомневаясь, что им может быть только Герберт, Аня колотушкой врезала со всего маху человека за дверь.

Вообще-то метила она в физиономию проклятому изменщику, но рука дрогнула. Таким образом жертва избежала тяжелой челюстно-лицевой травмы и отделалась лишь гематой на

ключице. Конечно, подобный результат Анину жажду мести не мог удовлетворить. Поэтому она еще хорошенько лягнула мужчину в пах.

От боли пришелец согнулся в три погибели. Аня занесла уже руку с зажатой в ней колотушкой для второго удара, как вдруг поняла, что человек, на которого она напала, блондин! А ведь у ее мужа волосы черные. Но удержаться от удара она уже не могла. Колотушка опустилась мужчине прямо на голову.

Гость рухнул словно подкошенный. Аня едва не заверещала от ужаса. Удержалась, лишь сообразив, что на крик сбегутся соседи, начнутся вопросы и допросы. Кстати говоря, кем бы ни оказался блондин, вел он себя благородно. Пока Аня обрабатывала его колотушкой, не издал ни единого звука. Переведя дух, женщина с ужасом уставилась на человека, разлегшегося у ее порога. Он не шевелился и, кажется, даже не дышал.

– Ой, мамочки! Что же это? – пролепетала Аня.

Чувствуя, что сама теряет от страха силы, Аня все же втащила мужчину к себе в квартиру, плотно закрыла дверь и только после этого уставилась на своего гостя. У нее еще теплилась слабая надежда, что этот мужчина – ее супруг, зачем-то перекрасивший волосы. Но, перевернув мужчину на спину, она убедилась, что с мужем у него общий лишь пол.

– Вы кто? – тронула Аня мужчину за руку.

Он не отреагировал. Аня потрясла руку. Потом потрясла сильнее. И наконец до нее дошло, что не стоило бы трясти человека, только что получившего тяжелым предметом по голове. Аня оставила мужчину в покое и принялась рассматривать его внешность.

Мужчина был еще молод, хотя и не мальчик. Никак не старше тридцати. С мужественными чертами лица. И Аня как-то сразу прониклась к блондину теплым чувством, из чего следовал вывод, что блондин изрядный подлец и мерзавец. По отношению к порядочным мужчинам Аня почему-то не чувствовала ничего, кроме раздражения.

– Эй, вы живы? – снова поинтересовалась Аня у мужчины.

Он промолчал. Его лицо было бледное, словно у покойника. Впрочем, глянув на себя в зеркало, Аня убедилась, что и сама была не краше. Так что отсутствие румянца еще ни о чем не говорило. Она-то ведь была жива.

– Может, это у него просто шок? Может, этот тип вообще припадкам подвержен? А я ударом по башке спровоцировала этот приступ, – в задумчивости пробормотала Аня. – Нужно посмотреть, не найдется ли у него в карманах каких-нибудь лекарств.

И женщина принялась со сноровкой, приобретенной в трех замужествах, рыться в карманах блондина. В конце концов, она имела на это некоторое право. Блондин разлегся, хотя и не по своей воле, на полу ее жилища. А значит, в некоторой степени был ее собственностью. Аня даже подумала, как все удачно получается: не успел один муж сбежать, как следующий потенциальный муж постучался в дверь.

Набор предметов в карманах блондина утвердил Аню в ее первоначальном мнении. Этот человек был темной лошадкой. Ане удалось обнаружить заряженный и поставленный на предохранитель пистолет и несколько запасных обойм к нему. Десяток мятных таблеток, упаковку презервативов и крем для рук.

Затем Аня перешла к обследованию брюк и нашла в них свернутую вчетверо бумагу, вернее, обрывок бумаги. На ней были фрагменты какого-то рисунка и пояснения к нему. Причем все пояснения были записаны разными почерками и даже разными шрифтами.

Некоторые строчки, Ане показалось, были написаны рукой ее мужа. Поэтому подозрительную бумагу Аня сунула к себе в карман, намереваясь изучить ее, когда закончит ревизию одежды блондина. Последней из кармана брюк Аня выудила недлинную, но очень толстую леску с шариками, привязанными с двух сторон. Леску Аня небрежно отбросила в сторону. И в этот момент блондин зашевелился.

Аня склонилась над незванным гостем. Блондин открыл глаза и уставился на Аню. При этом в его очах отразилось не безумное влечение и восторг, а страх и даже ужас. Аню передернуло. Обычно мужчины при виде ее не пугались. Должно быть, жизнь с Гербертом совсем подорвала ее здоровье и вообще неотразимость. Блондин тем временем вел себя весьма странно. Он словно окаменел. Аня проследила за его взглядом и поняла, что блондин не сводит глаз с ее руки с зажатым в ней пистолетом.

– Не бойся! – засмеялась Аня. – Я не обижу.

Она протянула руку, собираясь отдать пистолет Блондину, но он явно не понял ее добрых намерений. Вскочив на ноги, он попытался вырвать пистолет из Аниных рук. При этом бедняга не учел, что после удара по голове нельзя делать резких движений.

– Ой! – испугалась Аня, когда Блондина шатнуло в сторону висевшего на стене зеркала.

Но было уже поздно. Блондин оперся рукой о раму, гвоздь, на котором висело зеркало, добавочного веса не выдержал и вылетел из стены. Разумеется, зеркало не птица, в воздухе парить не может. Поэтому оно рухнуло на пол, и чуда не произошло. Зеркало разбилось на тысячи мелких осколков. Окончательно потерявшийся Блондин попытался удрать, но почему-то толкнул дверь, ведущую в спальню. Аня помчалась следом за гостем, пытаясь объяснить ему, что ничего страшного не произошло. Ее муж сам виноват, в том что разбилось его любимое зеркало. Сто раз ему было сказано, что гвоздь разболтался и пора его заменить.

– Да постойте вы! – надрывалась Аня, раздосадованная тем, что Блондин явно ускользает из ее рук, ведь дверь из спальни выходила прямо в садик.

При этом она напрочь забыла, что продолжает автоматически сжимать в руке пистолет и даже размахивает им, призывая Блондина остаться. В результате ее забывчивости гость не пожелал остаться. Перемахнув через ограду, Блондин был таков.

– Черт! – выругалась Аня, отпирая калитку, ведущую на улицу.

Но Блондин уже скрылся за углом. Преследовать его на улице Аня не стала. Очень ей было нужно, чтобы соседи потом говорили про нее Герберту, что, мол, она за посторонними мужиками гоняется.

– И все же, где Герберт? – снова озаботилась Аня, вернувшись в дом.

Она под села к телефону и стала соображать, к кому бы мог отправиться ее муж. Разумеется, если он все же не у Кристины. В результате получалось, что ехать Герберту, кроме Кристины, особенно и не к кому. Аня набрала номер телефона проклятой соперницы. Ждать ответа ей пришлось долго, потому что там к телефону никто не подходил.

Наконец Анино терпение лопнуло. Она повесила трубку и, поразмыслив, приняла решение. Она поедет к Кристине сама. И если Герберт там, разом все прояснит. Пистолет Аня оставила дома. Садиться в тюрьму из-за убийства такой дряни, как супруг, она не собиралась. Аня быстро выскочила из дома и тут поняла, что у нее нет денег. Как раз сегодня Герберт должен был выдать ей очередную сумму на недельные хозяйственные расходы. Но со всеми этими волнениями, естественно, забыл.

Пришлось Ане трястись сначала на трамвайчике, потом ехать на метро, а дальше еще пешочком пройти. Адрес Кристины Аня выяснила еще в первую неделю своей супружеской жизни.

– Приду и скажу ему: «Герберт, давай разведемся!» – бубнила себе под нос Аня в трамвайчике.

Собственно говоря, эту фразу Герберт слышал от своей жены примерно раз в неделю. Но всегда как-то ловко менял тему. Иногда отвечал, что над ним будут смеяться коллеги на работе. Иногда – что мама будет расстроена. Коллегам мужа, конечно, было плевать, а девяностолетнюю маму Герберта вообще не расстраивало в этой жизни уже ничего.

Наконец Аня доехала до дома Кристины. Нужную квартиру она нашла без труда. Затем, переведя дыхание, позвонила. Никто не ответил. Аня прислушалась, и ей показалось, что она

уловила за дверь какие-то стоны. Окончательно убедившись, что Герберт здесь и причем весело проводит время, Аня в ярости принялась царапать дверь когтями. К ее удивлению, дверь оказалась не запертой и легко открылась.

Аня толкнула ее и оказалась в квартире Кристины. По комнатам словно Мамай пронесся. В холле вся мебель была перевернута. Дорогая кожаная обивка дивана и кресел вспороты, ножки у стульев отломаны. Дверца шкафа висела на одной петле, а его содержимое было вывалено на пол.

– Ничего себе веселятся, – с завистью сказала Аня.

И женщина прошла дальше. Аня не была высокого мнения о себе, как о домохозяйке, но такого безобразия она никогда в квартире не учиняла. Пожав плечами, Аня заглянула в последнюю комнату. В ней тоже был кавардак. Но кое-что здесь было необычно.

Посредине комнаты лежало истекавшее кровью тело. О том, что тело женское, Аня догадалась не сразу, потому что оно было страшно обезображено. Живот и грудь превратились в одну сплошную рану. Ногти на руках и ногах были выдраны. Лицо жертвы неизвестного вурдалака, как ни странно, почти не пострадало, поэтому Аня сразу и без труда поняла, что перед ней на полу лежит Кристина.

Онемев от ужаса, Аня ухватила за дверной косяк. В этот момент Кристина повернула к ней голову. В глазах жертвы загорелся огонек торжества, который напугал Аню еще больше, чем уродливые раны на теле Кристины.

– Кто это сделал? – с ужасом спросила Аня.

– Я сохранила ее в банке, – совершенно внятно проговорила Кристина.

И протянула к Ане свою окровавленную руку. Аня испуганно отшатнулась. Но Кристина и не думала нападать. Сил у нее хватало лишь на то, чтобы лежа протягивать к Ане руку. Присмотревшись, Аня увидела, что Кристина протягивает ей какую-то измазанную кровью тряпочку. Чтобы не огорчить умирающую, Аня взяла этот комочек. При этом Аню явственно передернуло от страха и отвращения. Но Кристина этого не заметила. Она, словно выполнив свою миссию, теперь с легким сердцем хотела отдохнуть.

– Не оставайся здесь, – прошелестели губы умирающей Кристины. – Беги! Он еще может вернуться.

Аня склонилась к раненой. Хотела посмотреть, чем можно помочь бедняжке. К тому же Кристина явно хотела, чтобы Аня к ней нагнулась. Неизвестно, какие тайны она собиралась поведать Ане, но сил у бедняжки на дальнейшие разговоры уже не хватило. Глаза у Кристины закатились, тело в агонии напряглось, а изо рта вместе с хрипом вырвался фонтан крови. Несколько капель попало на Анины брюки и куртку.

Аня отшатнулась, но было уже поздно. Через несколько минут все было кончено – Кристина избавилась от своих мучений. Аня прикрыла тело женщины и отошла в сторону. Ее всю трясло. И было от чего. Ее муж оказался жестоким убийцей и садистом. Опасным психопатом, только что разделавшим свою давнюю подругу, словно тушу на бойне.

«А может, это и не он вовсе?» – пискнул тоненький внутренний голосок Аниного шестого чувства.

Но оно было тут же задавлено обстоятельствами, говорившими сами за себя. Герберт уехал из дома, даже не поужинав? Уехал. Кристина его ждала? Ждала. Герберта тут нет? Нет. Значит, он тут был, натворил дел и смылся. И еще неясно, куда отправился. Не исключено, что к себе домой, приканчивать свою милую женушку. А что? Вполне может и не остановиться на одной Кристине.

Аня кинула последний взгляд на тело женщины и снова покрылась холодным потом. Следовало отсюда бежать. И бежать немедленно. Кристина явственно предупредила Аню, что убийца еще вернется. Ане вовсе не улыбалось тут с ним повстречаться. Даже если это будет

ее собственный муж. Поэтому Аня вылетела из квартиры, наткнувшись на какую-то пожилую женщину, которая в недоумении поспешно отступила с ее дороги.

Даже не подумав, что стоило бы сообщить этой женщине о случившемся убийстве, Аня помчалась дальше. Сейчас ей все казались врагами и маньяками. Она и пяти секунд не согласилась бы остаться в том доме. Немного успокоилась она лишь после того, как, проскочив улицу, завернула за угол. Впрочем, и здесь Аня не остановилась. Некоторая ее успокоенность выразилась в том, что она стала хотя бы смотреть, куда бежит.

Наконец женщина увидела большое и шумное кафе. Ане оно показалось достаточно надежным убежищем. Вряд ли маньяк решится убивать ее прямо на глазах у многочисленных посетителей. Хотя ожидать можно было всего. Ведь убили же Кристину среди бела дня в собственной квартире. И не просто убили, а какое-то время еще пытали. И никто из соседей не пришел на помощь и даже просто ничего не заподозрил. Поистине, в этой благополучной Вене творились такие делишки, что только держись.

– Кофе и коньяк! – заказала Аня официанту. – Коньяку побольше!

Официант испуганно на нее покосился.

– Вы поранились? – участливо осведомился он. – Проводить вас в дамскую комнату? У вас кровь.

Аня удивленно воззрилась на него. Потом глянула на свою руку, по-прежнему сжимавшую испачканную кровью Кристины тряпочку.

– Это не кровь, – бросила она официанту. – И вообще, не ваше дело, несите коньяк.

Официант не стал настаивать, но его взгляд стал каким-то настороженным. Пока он ходил за коньяком и кофе, Аня наконец рассмотрела тряпочку, которую сунула ей Кристина перед смертью. К удивлению Ани, это оказалась не совсем тряпочка. А скорее кусок старой бумаги. Не кусок человеческой кожи, и то хорошо! Хотя Ане вначале так и показалось. На бумаге было что-то изображено, но Ане не удалось рассмотреть, что именно. Освещение в кафе было приглушенным и никак не подходило для изучения документов. Да и Кристина порядком перемазала свое послание кровью.

– Ох! – выдохнула Аня и единым духом опрокинула в себя порцию коньяку.

Дыхание у нее перехватило, в горле зашипало, а на глазах навернулись слезы. Аня постаралась убедить себя, что это из-за коньяка. Она выпила кофе и вышла на свежий воздух. Перед кафе стояли столики. Многие пустовали. За один из таких столиков Аня и села.

Она разложила перед собой измазанный кусочек странного вида бумаги и принялась его изучать. Прошло достаточно времени, прежде чем Аня сделала свои выводы. Вне всякого сомнения, перед ней была вторая часть от того самого рисунка, что пару часов назад Аня обнаружила в кармане Блондина.

Запись на обрывке бумаги из квартиры Кристины была сделана не той рукой, что пояснения к рисунку на бумаге из кармана Блондина. И насколько Аня с ее филологическим образованием могла судить, сделаны они на другом языке. Слова на обрывке Кристины были написаны готическим шрифтом, который использовался в старогерманском языке.

Если поразмыслить, то не менее века отделяло надписи на бумаге Блондина от надписей на клочке Кристины. Ясно, что Блондин каким-то образом скопировал утраченную часть рисунка, а Анин муж переписал современными немецкими буквами использовавшийся в оригинале готический шрифт.

И еще, пояснения на клочке бумаги Кристины сделала одна рука, а пояснения на четвертушке бумаги Блондина принадлежат нескольким почеркам. В том числе и почерку ее мужа Герберта. Это было странно. Не просто странно, а очень странно. Аня ничего в этой истории не понимала. Ничего, кроме одной вещи. Из-за этих проклятых каракулей уже погибла Кристина. А так как клочков бумаги могло быть еще больше, то и трупов явно могло быть больше.

«Если исходить из того, что это Герберт убил Кристину, то почему она отдала этот обрывок бумаги именно мне? – задумалась Аня. – Ведь я жена Герберта. Может, Кристина меня просто не узнала? В конце концов, эта женщина уже умирала, а мы с ней никогда раньше не встречались. Да, она вполне могла меня не узнать. Отдала мне кусок бумаги как первой встречной, лишь бы он не достался ее убийце.

Но при чем тут Блондин? Что ему понадобилось в квартире Герберта? Зачем он приходил?

А что, если еще один фрагмент рисунка находится у моего мужа! – озарило Аню. – И что, если Блондин пытался проникнуть к нам в дом именно для того, чтобы поискать его? Тогда необходимо поспешить обратно! И постараться найти этот фрагмент, прежде чем появится мой муж или Блондин».

И Аня, позабыв, что совсем недавно умирала от страха при одной мысли о встрече с мужем, сломя голову помчалась домой. Мужа там еще не было. Это Аню порадовало. Она тут же кинулась искать третий фрагмент рисунка. Увы, это оказалось намного сложнее, чем получить первые два. Начать с того, что Аня совершенно не представляла, где Герберт мог прятать предполагаемый фрагмент. А во-вторых, супруг мог его вовсе и не прятать дома, а взять с собой, когда сегодня поспешно покидал дом.

Аня попыталась припомнить, где сегодня был ее муж перед тем, как удрать. По всему выходило, что находился он в своей спальне, а потом заскочил в прихожую. Значит, в этих двух направлениях и нужно было искать. Аня начала со спальни. В последнее время муж частенько спал там один, а потому вполне мог припрятать небольшую вещицу. Аня перевернула спальню вверх дном. Даже попыталась отдирать паркет, но паркетины сидели железно. Аня вошла в раж. Она азартно принялась расковыривать все, что можно, в комнате...

Чрезмерно упитанный мужчина сидел за письменным столом и, гневно раздувая ноздри, распекал стоявшего перед ним Блондина. Парень был сильно сконфужен. Сгорая от стыда и стараясь это скрыть, он скользил взглядом по стенам кабинета и по развешанным на них картинам. Совсем некстати в голове почему-то крутилась мысль: копии это или оригиналы? Но спрашивать именно сейчас он поостерегся. Возле его хозяина стояла тяжелая пепельница, а сам хозяин был вполне способен пустить ее в качестве метательного оружия в ход.

– Хм! – хмыкнул мужчина в кресле, и Блондин вздрогнул.

Парень оторвал взгляд от стены и просто заставил себя посмотреть в глаза боссу.

– Значит, ты не только провалил дело, но и умудрился потерять ту копию, которую я велел тебе хранить пуще глаза?

Блондин снова забегал глазами по картинам. Его хозяин хлопнул кулаком по столу.

– Смотри на меня! – приказал он. – И говори как есть. Что ты виляешь, как заяц! Я должен знать, что ты натворил и насколько плохо из-за этого обстоят наши дела. Девчонка что-то подозревает?

– Нет, ничего, – заканючил Блондин. – Клянусь!

– Откуда тебе это знать, ты же недотепа! – снова разозлился толстяк. – Ты же черное от белого отличить не в состоянии. Что она сказала, когда увидела тебя?

Блондин честно напрягся. Но, как назло, в памяти словно образовалась черная дыра.

– Так она же ничего не дала мне сказать! – обрадованно вспомнил он. – Она сразу же напала на меня.

– А ты говоришь, что ничего не подозревает! – возмутился его Босс. – Как же не подозревает, если сразу же перешла в наступление. Вон сколько синяков тебе понаставила.

– Это я сам ударился, когда падал! – попытался объяснить Блондин.

– И башку тебе едва не проломила, – не слушая его, продолжал Босс. – Ну, это, допустим, невелика заслуга. Голова у тебя – место слабое. Но дело ты провалил. Тебе было поручено войти в доверие к этой девице и выяснить, куда скрылся ее муж.

– Я не виноват! – вконец расстроился Блондин. – Она мне и слова сказать не дала. Сразу же накинулась. А пока я был в отрубе, обыскала и разоружила.

– Что же, это говорит о том, что муж предупредил ее об опасности. А раз предупредил, значит, рассказал и остальное. А если так, то наверняка посвятил ее в то, где намерен скрыться и что думает предпринять. Это уже кое-что!

И Босс пришел в хорошее настроение.

– Теперь только нужно найти способ выяснить у нее, что она знает от своего мужа, – сказал он.

– Может быть, поступить проще? – предложил Блондин. – Ну, без всяких вхождений в доверие. Послать к ней кого-нибудь из твоих ребят. Пусть они с ней поближе познакомятся. Враз заговорит!

– Нет, – решительно отмахнулся Босс. – Думаешь, ты умней всех? Я уже несколько часов назад вызвал Кастета. Так вот, Кастет с ней поработает, но это в самом крайнем случае.

– А к Кристине Кастет уже съездил? – спросил Блондин. – Что ему удалось у нее узнать?

– Ничего.

– Кастету не удалось? – вытаращил глаза Блондин. – Может, он ее не очень хорошо спрашивал?

– Слишком хорошо, – сухо бросил Босс. – Кастет – натура увлекающаяся. Сам знаешь. Переусердствовать может малость. Вот и в этот раз...

– Малость? – дрогнувшим голосом спросил Блондин. – Что этот осел сделал с Кристиной?

– Кристина мертва, убита, – сообщил Босс. – Но Кастет клянется, что ее не трогал. Что, когда он приехал, женщина была уже мертва. А в квартире все было перевернуто.

– Врет?

– Не думаю. Хотя кто его знает, – сказал Босс.

Но Боссу явно не хотелось развивать эту тему. Он недовольно поморщился и велел Блондину выйти из кабинета.

– Когда понадобишься, позову! – заключил он. – Иди и посиди в моей приемной. А мне пока нужно подумать.

Думал он недолго. Не успел Блондин прийти в себя от известия о смерти Кристины, выкурить сигарету и перекинуться парой слов с Кати – секретаршей Босса, девушкой милой и пушистой, словно одуванчик, как запищал факс на столе Кати.

– Иди, – чирикнула девушка, – зовет.

Блондин вернулся в кабинет.

– Вот что я подумал, – сказал ему Босс. – Тебе придется сменить окраску.

– Босс, я только два дня, как сходил к визажисту! – загрустил Блондин. – Месяц в очереди стоял. Отвалил ему без малого три штуки. И что, теперь снова перекрашиваться? Ты это плохо придумал.

– Да не в этом смысле, идиот! – разозлился Босс. – Не надо тебе прическу твою драгоценную трогать. Так пойдешь. А нужно было бы для дела, так и наголо бы постригся. Или наоборот.

– Согласен, Босс! – поспешно закивал Блондин. – Если для дела нужно, то я хоть в рыжий цвет.

– Придурок, тебе же сказали, что не нужно. Тут дело сложнее!

– Я готов! – бодро вызвался Блондин.

– Ты вначале послушай, – поманил Босс парня пальцем. – Иди ближе.

Оба сообщника, склонившись голова к голове, принялись обсуждать что-то тихим шепотом. Судя по их довольным мордам, замыслили они изрядную пакость.

Обыскивая квартиру, Аня нашла несколько ранее не обнаруженных ею фотографий Кристины и Герберта. На снимках они счастливо смеялись прямо в объектив. Раньше подобные снимки погрузили бы Аню в мрачную депрессию сроком в несколько дней. А сейчас она лишь небрежно отбросила карточки в сторону.

Потом она наткнулась на утаенные Гербертом от нее одиннадцать тысяч евро. Деньги она немедленно перепрятала в свой тайник. Потом она обнаружила считавшуюся давно потерянной булавку от галстука, затем маленькую вазочку для сухих композиций и несколько женских колготок. Все разных размеров. Больше ничего интересного Аня не нашла, хотя и страшно упарилась. И тут раздался звонок в дверь. Аня насторожилась и стала думать, как ей поступить.

«Не буду открывать!» – сначала решила она.

Потом, немного отдышавшись, подумала, что все же стоит взглянуть, кто там на лестнице. Она на цыпочках прокралась к двери и заглянула в дверной «глазок».

– Уголовная полиция! – словно только этого и дожидался, сказал высокий мужчина в строгом костюме.

Аня внутренне ахнула. Разглядеть лица мужчины в «глазок» толком не удавалось. Металлическую бляху, которую он ей показывал, тоже. Так что это вполне могла быть медаль за спасение утопающих или опознавательный знак членов любителей зеленых газонов. К тому же даже полицейский жетон легко можно подделать или даже украсть. Уж чего проще.

В связи с ужасными событиями последних часов в Ане проснулись все возможные страхи. Поэтому она решила, не подавая голоса, послушать, что станут делать ее визитеры. Если станут ломать дверь, то ясно – бандиты.

– Откройте! – между тем повторил симпатичный полицейский. – Мы знаем, что вы дома. Консьержка видела, как вы поднялись к себе.

Вот мерзкая баба! Когда нужно, так ее днем с огнем не найдешь. А тут, поглядите-ка, какая прыть у старухи проснулась. И Аню успела заметить, и полиции о ней сообщить.

– Какое у вас ко мне дело? – решила внести немного ясности Аня.

Полицейские явно обрадовались.

– Откройте, – масляным голосом попросил располагавший к себе полицейский. – Нам нужно с вами поговорить. Это касается вашего мужа.

Точно! Аню словно током ударило. Права она была! Герберт и в самом деле убийца и маньяк. Полиция разыскивает его. Наверняка по всей Европе за ним тянется кровавый след убитых им жен и возлюбленных. И вот только теперь полиции удалось напасть на след Герберта. Просто чудо, что сама она уцелела, прожив с этим мясником без малого целых полгода.

Аня, больше не сомневаясь, распахнула дверь. Полицейские этим немедленно воспользовались и оказались в квартире. Их было двое. Симпатичный страж порядка представился ей инспектором Гюнтером. Фамилию его малахольного напарника Аня даже не подумала запоминать. Станет она разговаривать со всякими недомерками, когда муж у нее серийный убийца! Наверняка теперь ее и его фотографии появятся во всех газетах. В любой момент Аня могла стать известным и знаменитым на всю Австрию человеком. Итак, слава буквально стояла на пороге Аниного дома.

Стояла, но через порог не перешагнула. Помешал симпатичный инспектор Гюнтер. Он сказал:

– Вы подозреваетесь в убийстве фрау Кристины Штофф.

Сначала Аня решила, что ослышалась. Она протерла глаза, потом потерла уши и воззрилась на инспектора, который теперь ей уже не казался таким симпатичным.

– Вы ошибаетесь! – сказала Аня. – Ее убила не я.

– Вот как! – обрадовался инспектор Гюнтер. – Значит, вы не отрицаете, что вам уже известно о ее смерти?

Пока инспектор радовался, его напарник прохаживался по квартире. Без приглашения он уже прошел в конец гостиной и собрался спуститься на первый этаж.

– Можно? – ради приличия обратился он к Ане.

– Нет, – потрясла головой хозяйка. – С какой стати? У вас есть ордер на обыск?

Судя по смущенным лицам полицейских, ордера у них не было. Аня порадовалась, что Вена все-таки не Питер. Полицейский в нерешительности потоптался на месте, но все же вернулся обратно. Аня его даже пожалела. Надо же, такой пустяк, как отсутствие ордера на обыск, мешает человеку сделать свою работу!

– Можете посмотреть! – сжалась она над малахольным. – Мужа дома все равно нет.

– А где он? – живо откликнулся инспектор Гюнтер.

– Не знаю, – пожала плечами Аня. – Я думала, что он у Кристины. Но раз она мертва... Нет, теперь даже не представляю, что с мужем могло произойти. Разве что преступник, что убил Кристину, убил и моего мужа...

При этих ее словах полицейские дружно переглянулись. А потом выжидающе уставились на Аню. На их лицах читалась искренняя надежда, что Аня не станет долго их мучить и сейчас же признается в двойном убийстве своего супруга и его любовницы. Но Аня такого подарка им не сделала. Она вообще не поняла, чего в действительности хотят от нее полицейские.

– Вас видели на месте преступления, – наконец произнес инспектор Гюнтер. – Соседка Кристины наблюдала, как вы выходили из квартиры убитой. И, по ее словам, вид у вас был очень странный.

– Еще бы не странный! – фыркнула Аня. – Не знаю, как вы, а я не привыкла видеть трупы. Да еще в таком состоянии, в каком была Кристина. А откуда соседка узнала, что в квартире была именно я. Ведь мы с ней никогда раньше не встречались...

– Она видела вас на фотографии, – ответил инспектор. – Кристина ей показывала ваши с мужем свадебные фотографии.

«Вот сволочь! – подумала Аня. – Показывал наши свадебные фотографии всякой швали!»

– Я признаю, что посещала квартиру Кристины, – сказала она вслух. – Зашла, чтобы убедиться, что там нет моего мужа. Дверь была открыта. Я вошла и увидела Кристину на полу всю в крови.

– Она была уже мертва?

– В чем вы меня подозреваете? – вдруг взвизгнула Аня. – Неужели вы думаете, что я могла справиться со здоровущей Кристиной, ведь она же была раза в два крупнее меня. Я до сих пор трясусь от страха. Вдруг это дело рук моего мужа? Что тогда? Вам вот хорошо, вы сейчас поговорите и уйдете. А он вернется. Как мне с ним быть? Слушайте, а может, вы меня арестуете, пока суд да дело?

Полицейские дружно удивились и потупились.

– Нет, пока мы вас ни в чем не обвиняем, – заявил Гюнтер.

– Но, может быть, у вас есть какие-нибудь подозрения. Кто или за что мог убить эту женщину, кроме вашего мужа? – добавил малахольный полицейский.

Аня пожала плечами.

– Я с ней не была знакома, – сказала она. – И мужу запрещала с ней общаться. Только он меня не слушал.

– Тогда поступим так, – решил Гюнтер. – Я назову вам приметы мужчины, а вы попытаетесь вспомнить, не приходилось ли вам такого встречать. Это высокий, под метр восемьдесят, белый мужчина. С короткой стрижкой и темными глазами. Чисто выбрит. Одет в спортивную

куртку зеленого цвета, темные джинсы и кепку. В руках у него была сумка. На темно-зеленом фоне желтая надпись.

– Нет, такого человека я что-то не припоминаю, – сказала Аня. – А он не блондин?

– Почему вы спрашиваете?

– Так просто.

– Нет, скорее всего, он темный шатен. Хотя волосы очень короткие, толком под кепкой не разобрать.

– Кто этот человек? Может, мне по ассоциации будет легче вспомнить. Где я могла с ним встречаться?

– Возле квартиры Кристины, – пискнул малахольный. – Это описание мы получили от той же соседки. Двумя часами раньше, как возле дверей Кристины появились вы, этот мужчина уже вошел в ее квартиру. Но как он оттуда вышел, соседка не видела. Так что этот человек вполне может оказаться убийцей.

– И Кристина впустила его сама?

– Соседка утверждает, что да. На двери и в самом деле нет следов взлома. Либо у этого человека были ключи от квартиры Кристины, либо она его знала и впустила.

– Может быть, это какой-нибудь сантехник или мастер по ремонту бытовой техники? – предположила Аня.

– Мы работаем в этом направлении, – кивнул Гюнтер. – Не беспокойтесь. Но вернемся к нашему вопросу. Что лично вы можете сказать по поводу убийства Кристины? Ваш муж не говорил вам, что Кристине кто-то угрожает?

– Он знал, что я ненавижу эту женщину! – гордо вскинув голову, ответила Аня. – Поэтому избегал говорить о ней. Всегда я первой заводила о ней разговор.

– И что выяснили?

– Ничего, что могло бы помочь следствию. Муж уверял, что его роман с Кристиной давно в прошлом. Что теперь они просто друзья. Он, мол, уважает ее как личность. И мне совершенно не из-за чего ревновать. Может быть, так оно и было.

– Только вы все равно ревновали?

– Но я ее не убивала, – повторила Аня. – Вы ведь к тому ведете?

– А у вас лично нет предположений, почему могли убить Кристину. Когда вы пришли к ней в дом, она ничего не успела вам рассказать или передать? Может, называла какое-нибудь имя?

Аня ему не ответила. У нее было занятие поважнее. Она решила, сказать полицейским про обрывок бумаги, который перед смертью вручила ей Кристина, или не говорить. По всему выходило, что говорить не стоит. Во-первых, Аня в его содержимом еще сама толком не разобралась. А во-вторых, она была убеждена, что стоит дать полицейским хотя бы одну ниточку, и от их расспросов потом не будешь знать, куда деваться.

Беседа Ани с полицейскими закончилась мирно и даже дружелюбно. Они велели ей ни под каким видом не покидать Вену. А лучше и вообще из своего дома не высываться. После чего стражи порядка распрощались и ушли, пообещав вернуться, когда у них появятся доказательства Аниной вины.

После их ухода Аня обнаружила, что пропала ее куртка. Та самая, в которой она сидела возле умирающей Кристины и которая оказалась забрызганной кровью. Полицейские ее явно прихватили для экспертизы.

– Это просто некрасиво с их стороны! – расстроилась Аня. – А еще полиция. Порядочных из себя строят. Ворюги!

Она пробежалась по квартире, желая проверить, не пропало ли еще чего-нибудь. На первый взгляд вроде бы ничего не отсутствовало. Но вот Анина сумочка лежала немного не так, как положила ее Аня. Это Аня могла сказать точно. Но драгоценный кусочек пергамента, к

счастью, находился не в ней. Его Аня засунула в карман своих джинсов, на которых тоже могли оказаться пятна крови. Но их полицейские все же почему-то постеснялись с нее стаскивать. Пока постеснялись. Еще неизвестно, как они себя поведут дальше.

Поэтому времени терять было нельзя. Аня направилась к столу. Был уже вечер. А окна комнаты, которая служила одновременно гостиной, кабинетом Герберта и столовой, как раз выходили на запад. Поэтому сейчас здесь было светлее всего. А света Ане нужно было как можно больше. Чтобы разобраться в каракулях, которыми были испещрены два обрывка, попавших к ней в руки.

Она сложила обрывки рядом и нагнулась над ними. Фрагменты рисунка на двух клочках бумаги были либо от одного и того же изображения, либо от двух очень похожих. По всей видимости, оба обрывка содержали рисунок какой-то сельской местности или района.

Потому как там были изображены деревья, символизирующие то ли лес, то ли парк. Было нарисовано и несколько крестиков. То ли кладбище, то ли, может быть, церковь. Были видны и несколько домиков. Должно быть, какое-нибудь небольшое поместье или деревня. Но понять, что за местность изображена, было невозможно без остальной части рисунка.

Поэтому Аня сосредоточила свое внимание на пояснениях к рисунку, надеясь в них найти разгадку. Прошло несколько минут. Аня в задумчивости откинулась в кресле, а потом встала и поспешила к полкам с книгами. Фрагмент послания из квартиры Кристины был на старогерманском языке, которому Аня обучена не была.

Тем не менее, обладая некоторыми знаниями современного немецкого, можно было как-то приспособиться и прочесть текст, написанный готическими буквами. И к тому же Аня отлично помнила, что у Герберта был словарь старогерманского, в котором использовался готический шрифт. Она понадеялась с помощью этого словаря, а также своих знаний университетского немецкого разгадать тайну рисунка.

К сожалению, от каждой строки в пояснениях к рисунку сохранилось не больше трех слов. Остальные были оторваны и находились у другого владельца. В довершение всего текст был испещрен точками и запятыми в самых несуразных местах. И еще в каждой строчке имелись еще и знаки плюс и минус, которым там делать вовсе было нечего.

– Похоже на какой-то шифр, – пробормотала Аня и поежилась.

Ее догадка была близка к истине. Потому что даже те несколько слов, что сохранились на обрывке бумаги целиком, были полной бессмыслицей. Как на современном немецком, так и при прочтении на старогерманском.

– Можно предположить, что речь идет о чем-то, спрятанном где-то на территории той местности, что изображена на рисунке, – пробормотала Аня, рассматривая изображенное на листках. Но тут же себя поправляла: – То есть на целом рисунке, а не на его обрывках, которые к тому же не совсем точно подходят друг к другу. Явно должны быть еще фрагменты. Но вот у кого?

В одном Аня была совершенно убеждена. Часть рисунка с пояснениями к нему на современном немецком языке делал ее муж. Или, во всяком случае, принимал в этом участие. И где он, этот муж, шляется? Как раз сегодня, когда за столько времени Ане наконец-то понадобилось его присутствие?

– Вот черт! – выругалась Аня. – Что они там могли закопать? Судя по обрывку бумаги и трупу Кристины, что-то очень ценное. Она не пожелала отдавать эту бумажку своему убийце. Сначала рисунок разорвали на несколько частей, потом снова сложили и сделали перевод пояснений. Или сначала перевели, а потом разорвали. Но, так сказать, перелицовывал готический шрифт на современный немецкий мой муженек. Это точно. А значит, он мог бы многое прояснить. Или хотя бы, на худой конец, тот Блондин вернулся. Но он не вернется! Я его здорово напугала...

И тут Аня услышала, как в ее дверь снова кто-то звонит. За сегодняшний день у ее двери уже происходило много всякого. Поэтому от дребезжания звонка ее кинуло в холод, потом в жар, а затем снова в холод. В общем, к дверям она приблизилась, трясаясь, словно желе на тарелочке. Осторожно глянула в «глазок», но там была видна лишь огромная корзина цветов и часть чьего-то виска, которая высывалась из-за белой лилии.

– Кто там? – дрожащим голосом произнесла Аня почему-то по-русски.

За дверью молчали. Аня взяла себя в руки и повторила ту же фразу по-немецки. За дверью раздался мужской голос:

– Мы сегодня встречались с вами. Вы еще ударили меня по голове.

Тут посетитель убрал цветы, и Аня узнала сегодняшнего Блондина.

– Ох! – выдохнула она. – Пришел!

Плохо соображая, что делает, Аня открыла дверь. Одно ее утешало: учитывая время его прошлого визита, Блондин не мог быть убийцей Кристины. Когда с Кристиной расправлялись, Блондин был с Аней. А после «любезного приема» его Аней он уже был просто не в состоянии на какие-либо продуманные действия в отношении Кристины. Блондин переступил порог и в нерешительности остановился, не зная, куда девать корзину с цветами.

– Проходите! – пригласила его Аня. – А это вы кому? – спросила она, указывая на цветы.

– Вам! – обрадовался Блондин, вручая ей свой презент.

При этом трудно было сказать, чему он больше рад. Тому, что наконец избавился от корзины, или Аниному согласию принять от него подарок. Но как бы то ни было, через пять минут Аня уже проводила парня к креслу в гостиной. Как ни была она заморочена сегодняшними событиями, обрывки бумаги и пергамента она все же догадалась заранее припрятать.

– Я пришел, чтобы извиниться, – растерянно пробормотал Блондин, когда Аня усадила его в кресло и сунула в руку бокал с красным вином.

Между прочим, с лучшим вином, какое нашлось у ее мужа.

– Что вы! Это я должна перед вами извиниться! – воскликнула Аня. – Видите ли, я приняла вас за своего мужа.

По мнению Ани, это заявление все объясняло. Блондин между тем почему-то поперхнулся вином и с удивлением уставился на нее. Потом, видимо, решив, что она над ним шутит, вежливо засмеялся. Аня засмеялась в ответ. Так они сидели, смеялись, а вокруг царил удивительная гармония. Но Блондин эту идиллию сам испортил.

– Дело в том, что я приходил к вашему мужу, – сказал он. – Где он? Вы можете мне доверять. Я тоже участвую в розысках наследства кайзера.

«Вот и кайзер какой-то всплыл! – подумала Аня. – Интересно послушать, что этот парень еще знает».

Она вежливо улыбнулась и сделала вид, словно для нее эта информация отнюдь не нова.

– Вы же понимаете, что речь идет о многих сотнях тысяч, – продолжал Блондин. – На каждого, – добавил он многозначительно.

Только усилием воли Аня сдержалась.

– Многие выбыли из игры, – сказала она. – Кристина, например.

Сказано это было чисто интуитивно, Аня понятия не имела, принимала Кристина участие в поисках или всего лишь хранила доверенную ей кем-то часть плана. Блондин переменился в лице, но не стал спрашивать, что же случилось с Кристиной. Это должно было бы насторожить Аню, но почему-то не насторожило.

«Как бы у этого немецкого олуха побольше выяснить, – вот о чем думала в этот момент Аня. – А хорош же у меня муженек! Хотел сотни тысяч единолично присвоить. Мне даже словом не намекнул. Ну, я тебе покажу, конспиратор!»

– И кому пойдет доля Кристины? – на всякий случай уточнила Аня.

– Это будет решать ваш муж, – ответил Блондин. – Вы знаете, где его искать?

– Может быть, и знаю, – загадочно и томно произнесла Аня, – но вам я об этом не скажу. Во всяком случае, пока не скажу.

И она кокетливо засмеялась. Блондин немедленно присоединился к ней, подхихикивая совершенно подхалимски. И, как многие подхалимы, он своей цели достиг: Аня почувствовала к Блондину внезапное расположение. Остаток вечера прошел довольно приятно. Блондина звали Хансом, но Аня продолжала называть его Блондином. Блондин прямо на глазах влюблялся в Аню. Впрочем, при всей силе нахлынувшего чувства вел себя сдержанно. Руками хватать не торопился. Сразу было видно, что они оба стоят на пороге великой любви...

– Первым на упоминание о том, что наследство кайзера существует, наткнулся ваш муж, – откровенничал с Аней Блондин, переместившись вместе с ней на диван. – Он раскопал это в каких-то старых бумагах, увидев там рисунок с загадочными пояснениями к нему. Пояснения были сделаны в виде шифра. Рисунок тоже представлял собой то ли шифр, то ли ключ к шифру. Ваш муж умный человек, но ему не доставало знаний. И он обратился к своему знакомому – профессору математики Линдтнеру. Но я не хочу много говорить об этом человеке.

– Почему? – заинтересовалась Аня.

– Он страшный человек. Я сегодня был у него. И именно от него узнал о гибели Кристины. И не минуты не сомневаюсь, что это он приказал убить бедную женщину, чтобы завладеть ее частью рисунка.

– А при чем тут она? – ревниво спросила Кристина.

– Ваш муж разорвал рисунок с шифром на пять частей и раздал их. Перевод, что он сделал, тоже передал четверым своим друзьям. А пятый клочок оставил у себя. По мысли вашего мужа, это гарантировало, что ни один из нас не сможет найти клад в одиночку и обставить остальных. Тем более что найденный вашим мужем документ – всего лишь ключ к дальнейшим действиям. Во всяком случае, рисунок – точно. И каждый из нас, владеющий лишь частью тайны, не может обойтись без товарищей.

– Очень разумно, – согласилась Аня. – Но при чем тут эта Кристина? Профессора математики мой муж посвятил – это понятно. Профессор должен был уметь мыслить логично. И быть полезным. Но Кристину-то зачем было посвящать? Какая от нее польза?

Блондин был явно смущен.

– Видите ли, – забормотал он. – Мне неудобно вам об этом говорить, но ваш муж был очень близок с Кристиной. Полагаю, что он отдал ей часть рукописи просто в знак симпатии. Понимаете, Кристина и Герберт, они всегда были рядом. Все считали, что они идеально подходят друг к другу.

– Довольно! – взвизгнула Аня. – Вы что, оскорблять меня сюда явились?

– Нет, нет! – испугался Блондин. – Я не так выразился. Конечно, ваш муж ни капли не любил Кристину, иначе не женился бы на вас.

Это заверение немного Аню успокоило. Но не слишком. Если бы только она имела представление, куда улепетнул ее муженек, она бы уж натравила на него этого убийцу-профессора. И случай подходящий выдался. Ханс не стал бы возражать. Вон как он на нее смотрит. Небось только и мечтает о том, как бы Аня вдовой осталась. Как жаль, что она не имела ни малейшего понятия о местопребывании Герберта.

– Так вы думаете, что это профессор убил Кристину? – прошептала Аня. – Он высокий, спортивный и с короткими волосами? Ходит в зеленой куртке?

– Боже мой! – отчего-то побледнел Блондин. – А ведь этого человека я несколько дней назад видел в приемной профессора.

– Ой! – испугалась Аня. – Тогда ваш профессор точно виноват в смерти Кристины. И мы немедленно должны сообщить в полицию.

В полицию обращаться Блондин явно не хотел.

– Вы не понимаете, – сказал он. – Кристина знала, чем рискует. Однако она не пошла в полицию. Хотя знала, что затеял профессор.

– Откуда? – спросила Аня. – Откуда она это знала?

– Дело в том, – снова замялся Блондин, – что неделю назад пропал пятый член нашей пятерки. И Кристина тогда сразу обвинила Линдтнера в предательстве, заявив, что он убил нашего друга, чтобы завладеть его частью плана.

– Очень плохо, – грустила Аня. – Значит, ваш мерзкий профессор теперь в выигрыше. У моего мужа сохранилась его часть рисунка. И еще ваша часть находится у меня. Вы уж простите, я узнала на бумаге руку моего мужа и решила, что это какое-нибудь его любовное письмо. И взяла, чтобы прочитать.

– И где этот обрывок теперь? – с надеждой спросил Блондин. – Вы мне его вернете?

– С радостью бы вернула! Только его у меня нет, – нагло соврала Аня.

– Как нет? – испугался Блондин.

– Так, я выкинула его в мусор, как только поняла, что это вовсе не любовная записка.

Блондин был явно разочарован. В его душе боролись два чувства. С одной стороны, ему явно очень хотелось схватить Аню за горло, а с другой – ведь по отведенной роли ему полагалось ее любить.

– И где этот мусор? – наконец спросил Блондин. – Думаю, что можно этот обрывок найти. Разложим мусор на газете и...

– Ах, нет. Ничего не получится! – вздохнула Аня. – Мешок с мусором я вынесла, и его уже забрали мусорщики.

Блондин скрипнул зубами.

– Очень жаль. Но, к счастью, у меня сохранилась копия этого обрывка, – сказал он. – Конечно, трудненько будет мне его снова перевести, но у Герберта должен быть словарь древнегерманского. Вы мне его не одолжите?

– Конечно, – согласилась Аня, которая уже давно перевела все, что ей было нужно.

Она притащила нужный словарь и торжественно вручила его Блондину.

– А кто эти пятеро, кому мой муж передал обрывки документа? – спросила она. – Ты знаешь их имена?

– Во-первых, я сам, – начал перечислять Ханс. – Потом Кристина и профессор. И сам Герберт.

– Это четыре, – быстро подсчитала Аня. – А кто пятый?

Блондин, казалось, колебался.

– Его зовут Клаус, – наконец сказал он. – Больше я о нем ничего не знаю.

– Скажи, а почему ни один из вас пятерых не смог просто запомнить слова и рисунок? – спросила у Блондина Аня.

– Не знаю, – пожал он плечами. – Не смогли. Это же очень сложно.

Если бы ей такое сказал ее соотечественник, Аня бы не поверила. Но ей это сказал житель Западной Европы, поэтому Аня поверила. Они все тут такие сытые, что и в самом деле мозги жиром могли заплывать настолько, что и нескольких слов не запомнишь. Аня так Блондину и сказала. Получив словарь, гость собрался уходить. Вернее, Аня начала его потихоньку выставлять из дома. Очень уж она за сегодняшний день устала.

Любовь Блондина – это, конечно, хорошо. Но во все эти сказочки про зарытые в земле клады Аня не верила с десяти лет. Тогда она попыталась самолично найти клад, а вместо этого влипла в крупные неприятности из-за попорченного газопровода. Естественно, и ее родители соответственно влипли в большие убытки. К тому же после этих приключений ей все лето пришлось ходить в летний лагерь, вместо того чтобы отдыхать с родителями на море. На море просто денег уже не хватило. Это наказание навсегда отбило у Ани охоту к поискам кладов.

– Да, я не сказал самого главного, – вспомнил Блондин уже возле двери. – Профессор намекал, что Кристине и вашему мужу удалось продвинуться вперед в разгадке тайны. Он сказал, что Герберт сделал для себя еще одну копию и уже знает, где искать наследство кайзера.

– Мне об этом ничего не известно, – уверила Ханса Аня. – Но если, делая уборку, я найду бумагу с загадочным рисунком, я тебе обязательно позвоню.

– Звони без всякого повода, – попросил Блондин. – Дело в том, что я за тебя волнуюсь. Твой муж явно не ценит то, что имеет.

Это было чистой правдой. Первым словом правды, услышанной Аней от Блондина. Хотя она сама об этом еще и не подозревала. Выйдя от Ани, Блондин достал мобильник и позвонил.

– Ну как? Эта дуреха слопала историю про влюбленного юношу, которую мы для нее придумали?

– Слушала, раскрыв глаза и уши, и то и дело просила добавки, – захихикал Блондин. – Похоже, влюбилась в меня, как кошка. Думаю, если и дальше так пойдет, через несколько дней будет есть у меня с рук. Сказку про кайзера слопала и не поморщилась.

– Отлично! – обрадовался Босс. – Но не забудь, нам нужна не она, а ее муж.

Оставшись дома одна, Аня не подозревала о подлости своего недавнего гостя. Она размышляла о той истории, которую он ей поведал. Если сам Блондин считал ее правдивой, то Ане, при всем ее хорошем отношении к Блондину, в его рассказе верилось с трудом.

– Чушь какая-то! – бормотала она себе под нос. – Зачем Герберту понадобилось рвать на части этот рисунок и пояснения к нему? Это же нелепо. Что же это они? Собирались раз в неделю все вместе, чтобы часами посидеть бок о бок и, сложив свои куски документа, поломать головы над загадочным рисунком? Тоже мне, клуб по интересам. Гораздо продуктивней было бы оставить каждому по целой копии рисунка с переведенными пояснениями. Или с непере-
веденными. Но обязательно по целой, чтобы каждый из пятерки мог все свое свободное время посвящать разгадыванию головоломки. А то что же получается? Пришла человеку в голову дельная мысль, он должен мчаться к телефону, собирать своих четырех сообщников, чтобы свериться с их фрагментами рисунка. Да пока он бы дозванивался, пока они все приехали бы со своими обрывками рисунка, эта дельная мысль уже давно бы улетучилась. Нет, тут что-то не то. Врет мне Блондин!

И с этим мудрым решением Аня и улеглась спать. Дверь она закрыла на цепочку и на всякий случай придвинула к ней шкаф. Оставалась еще дверь в садик. Увы, она была наполовину застеклена. Что для Ани, привыкшей к металлическим дверям в Питере, казалось верхом безумия. Тот факт, что стекло было пуленепробиваемым, дела не менял. Так что ночевать в спальне она не решилась бы ни за что на свете. Устроилась Аня в гостиной возле телефона, чтобы в случае подозрительных шумов сразу же вызывать полицию.

Но не успела она закрыть глаза, как зазвонил телефон.

– Ты чего там? – бодро поинтересовалась Мариша. – Чего не звонишь? Ты вообще еще жива, старушка?

– Сама ты старушка! – огрызнулась Аня. – А что не звонила, так прости. Забыла!

– Купили куртку? – полюбопытствовала Мариша.

– Какую куртку? – удивилась Аня, у нее из головы напрочь вылетели такие пустяки.

– Ну ты даешь! Вы же сегодня с Гербертом собирались идти покупать тебе куртку. Что, не ходили?

– Нет.

– Почему? – требовала ответа Мариша.

Аня вздохнула и поняла, что просто так отделаться от Мариши ей не удастся. Пришлось рассказать подруге все, что случилось с ней за сегодняшний день.

– Мапочки! – воскликнула Мариша. – Золото кайзера! На сотни тысяч. А сотни тысяч чего? Евро или долларов? Аня, а кайзер – это кто такой?

– Немецкий император, – буркнула Аня.

– А ты где? Вроде бы в Австрии? При чем тут немецкий император?

– Сама ничего не понимаю, – призналась Аня. – Голова кругом идет.

– А эту женщину, Кристину, действительно убили? – помолчав, спросила Мариша.

– Точнее некуда, – вздохнула Аня. – Как вспомню, так жутко становится.

– И она передала свой кусочек документа тебе? – не успокаивалась Мариша. – Анька, ты же в опасности!

– Спасибо, что сказала, – возмутилась Аня. – Положение – веселей не придумаешь. Хотела я домой по-тихому смыться и пересидеть, так полиция не выпустит. Ведь они меня подозревают в убийстве Кристины. Представляешь? Ну, ничего. Вот когда найдут мой труп, сразу поймут, что были не правы.

– Анька, если ты не можешь вылететь из Вены, так я к тебе прилечу, – заверила подругу Мариша. – Жди.

И она повесила трубку. Аня тоже положила трубку и выдернула шнур из розетки. Больше ни с кем разговаривать она не собиралась. Глаза у нее просто слипались. После разговора с подругой ее приятно утешала мысль, что не одна она такая невезучая. Встречаются на свете и более чокнутые люди.

Во сне Аню преследовал муж. Герберт гонялся за ней с огромным кухонным ножом и умолял дать ему развод. Иначе он не сможет убить ее. Так как убивать своих жен не в его правилах. А вот после развода – дело другое. И он таскал за собой Блондина. Ханс почему-то изображал судью, который должен был освободить Аню от брачных уз.

Аня разводиться упорно не желала и во все лопатки улепетывала от мужа и Блондина. В этом ей здорово мешало пышное подвенечное платье, в котором, Аня это точно помнила, она выходила замуж в первый раз. Еще в Питере. И было это много лет назад. Как платье могло оказаться в Вене – непонятно. Тем более что Аня его собственноручно уничтожила еще два года назад, разорвав на мельчайшие клочки.

Проснувшись Аня вся в поту и с диким криком. Во сне Герберту все же удалось догнать ее и замахнуться на нее ножом. В этот момент Аня и проснулась. Она села в кровати, трясаясь от страха. За окном было еще темно, утро не наступило. Поэтому Аня решила, что вполне может попытаться рискнуть еще поспать.

– Надеюсь, что больше Герберта во сне я не увижу, – робко высказала она пожелание, устраиваясь поудобнее.

Желание Ани сбылось. Герберта она не увидела. Зато к ней явился ее первый муж – офицер Владимир Коземяко. Он с места в карьер принялся стыдить Аню. Нехорошими словами он укорял ее за то, что она опозорила его честь перед товарищами, бросив русского офицера и связав свою жизнь с каким-то немцем. Напрасно Аня пыталась объяснить Володе, что Герберт не немец, а австриец, и что это две большие разницы. Володя был неумолим.

– Ты меня опозорила! – вопил он. – Ты потаскуха и недостойна того, чтобы оставаться в живых.

«И этот туда же! – обреченно подумала Аня во сне. – Свиньи эти мужики!»

Володя в это время пытался извлечь из кобуры свой пистолет, но вместо этого оттуда вынырнул второй муж Ани – Сергей. Тоже офицер, но только не Военно-морского флота, а контрразведки. Этот сразу перешел к делу. Даже объясняться не стал, а сразу же схватил Аню за горло и принялся душить. С диким воплем Ане удалось вырваться от него. Она проснулась...

– Ну и мужики мне попадались в мужья! – простонала она. – И что мне такое сегодня снится? Не может быть, чтобы мои бывшие все так меня ненавидели. Я же их почти люблю.

Она перевернулась на другой бок, отбросила подальше подушку, в которой только что едва не задохнулась, и снова уснула. На этот раз получилось без снов. Утром ее разбудил тре-

вожный звонок в дверь. Аня накинула на себя халатик и поплелась встречать гостей. За дверью стоял муж Лады – пропавшей Аниной домработницы.

– Ее нет вторые сутки! – убитым голосом сообщил мужчина. – Я уверен, что она мертва.

Только сейчас Аня сообразила, что Лада не появлялась у нее уже два дня. В последнее время с Аней случилось столько всякого-разного, что ей было не до чистоты в квартире.

– Не нужно отчаиваться раньше времени, – машинально пробормотала Аня. – Хочешь, зайди ко мне.

– Нет, я только хотел узнать, не звонила ли тебе Лада? – сказал муж. – Извини, что я поднял тебя с постели. Я все утро тебе звоню, но никто не подходит. Вот я и подумал: а вдруг и с тобой что-нибудь случилось?

– Случилось, – кивнула Аня. – Если не вдаваться в подробности, то от меня сбежал мой супруг. Герберт!

– Сбежал?

И Ладин муж надолго замолчал, что-то обдумывая. Ане ужасно хотелось побыстрее избавиться от него, но она не могла придумать, как это половчее сделать.

– Так они вдвоем и сбежали! – наконец выдал идею гость.

Аня фыркнула. Она считала себя значительно привлекательнее Лады. Ведь она, что ни говори, имела двоих детей, а это женщину редко красит. Герберт знал Ладу уже без малого пять лет, и было сомнительно, что он, вдруг потеряв из-за нее голову, сбежал с ней в неизвестном направлении.

Размышляя подобным образом, Аня молчала. А тем временем Ладин муж окончательно утвердился в своих подозрениях относительно жены и Герберта. И не успела Аня оглянуться, как он уже заливался слезами у нее на груди. Это заставило Аню разволноваться – в основном за судьбу своего нижнего белья.

Она попыталась вырваться, но Ладин муж лишь крепче сжал ее в объятиях и еще пуще зарыдал. Одновременно он бормотал, что они теперь в некотором роде друзья по несчастью и, мол, неплохо было бы им вдвоем отомстить неверным супругам. А если Лада не сбежала с Гербертом, а действительно погибла, так тем более можно будет... Продолжить свою мысль ему помешали.

– Ушам своим не верю! – неожиданно прозвучал голос Лады. – Ну, ты и кобель!

Аня удивленно оглянулась. Перед ней стояла и в самом деле Лада. Живая и почти здоровая, если не считать множества ссадин на ее лице и руках. А также красивого синяка под глазом и малость опухшей левой скулы, на которой отчетливо отпечатался след чьего-то ботинка. Ну, и еще одежда женщины была, как говорится, в художественном беспорядке. Таком, что проглядывало ее тело, тоже изобиловавшее синяками и ссадинами. А в остальном Лада была жива, бодра и жаждала поквитаться со своим мужем.

– Ты блудливый козел! – заверещала Лада и кинулась в атаку.

Муж не стал ждать продолжения и сбежал. Ладе удалось лишь разок врезать ему по филейной части босой ногой. Так что особенного ущерба пинок не нанес. Вместо того, чтобы преследовать мужа, женщина повернулась к Ане и с подозрением уставилась на нее. Аня моментально пожалела, что родилась не в меру любопытной. Ну, что ей стоило, пока Лада лупцевала своего мужа, тихонько уединиться в своей квартире за надежными тремя замками. А теперь она, конечно, получит по физиономии от ревливой домработницы. И самое обидное, что совершенно не за что.

– У меня с твоим мужем ничего не было! – быстро предупредила Аня действия своей домработницы. – И драться с тобой из-за него я не собираюсь.

Лада продолжала изумленно тарашиться на Аню, не делая попыток напасть.

– Чего ты смотришь? – наконец не выдержала Аня. – Говорю же, что ничего у меня с твоим мужем не было. Я даже не знаю, как его зовут.

– Ивар, – сказала Лада. – Да бог с ним, с кобелем этим! Я тебя и не виню. Давно знаю, что он за фрукт. Я ведь к тебе не потому примчалась, что его тут найти думала.

– Лада, а где вообще ты вчера целый день была? – спросила у нее Аня. – И позавчера тоже. Я ведь тебе звонила. И что у тебя с лицом?

– Это я у тебя должна спросить, – огрызнулась Лада. – И дай мне поесть! Двое суток голодаю.

– Проходи в дом, – пригласила ее Аня. – А при чем тут я? Не я ведь тебя била.

– Конечно, не ты, – фыркнула Лада, усаживаясь за стол. – Твои знакомые постарались.

– Какие еще знакомые? – тихо пролепетала Аня, чувствуя, что очередная порция неприятностей уже на подходе.

– Откуда я знаю какие? – огрызнулась Лада. – Чаю хоть налей. Говорю же, у меня двое суток во рту ни крошки не было. Твои знакомые не слишком гостеприимны.

– Да объясни ты мне толком! – взорвалась Аня. – Что с тобой случилось?

– Сначала чай! – потребовала Лада.

Аня в сердцах бухнула чайник на плиту, поставила на стол пакет молока и печенье, которое Лада принялась жадно глотать одно за одним. Аня вспомнила, что с позавчерашнего дня у нее стоит порезанный на куски штрудель. Удивительно, он почти не засох. Куски пирога тоже пришлись Ладе по вкусу, и она начала их поглощать. Должно быть, действительно здорово проголодалась. Но Лада не только ела. В промежутках между кусками штруделя Лада говорила. И вот что удалось узнать от нее Ане.

– Это случилось со мной позавчера. Я шла к тебе, чтобы прибраться в доме. И уже поднималась по вашей лестнице, как вдруг передо мной возникли двое парней. Только я протянула руку с ключами, чтобы отпереть дверь, как они и возникли. Сначала я не очень испугалась, потому что выглядели незнакомцы довольно мирно и вели себя очень уверенно. Подхватили меня под руки и объяснили, что муж хочет меня видеть. Что он попал в аварию, а они свидетели. И муж, мол, просил привезти его жену, чтобы перед смертью успеть с ней попрощаться. И адрес им дал.

– И ты поверила?

– У меня особого выбора и не было, – пояснила Лада. – Но вообще-то сначала я им поверила. И очень перепугалась за своего дурачка. Ивар ведь и в самом деле очень невнимательно переходит дорогу. В общем, уже всякое про мужа передумала. И уже несколько раз мысленно осталась вдовой, как вдруг обратила внимание, что мы почти выехали за город. Конечно, я сразу же спросила, в какую больницу отвезли моего мужа. Как она называется? Спутники мне сказали, что это клиника Святой Марии. Это название мне ровным счетом ни о чем не говорило. Я начала расспрашивать. И мои похитители, сразу же сбросив маски, врезали мне для остротки.

Лада показала на синяк у себя под глазом.

– Господи! – ахнула Аня.

– Вот тебе и господи! Погоди, дальше еще хлеще было, – продолжала Лада. – В общем, я вырубилась. И очнулась уже в какой-то комнате от запаха нашатыря. Оказалось, что сижу я на стуле, мои руки связаны за спиной, а передо мной стоят те самые двое мерзавцев, которые меня похитили.

– А как они выглядели?

– Обычно выглядели. Высокие, накачанные. Один поменьше ростом. Одеты в куртки и джинсы. Ничего примечательного. Хотя нет, тот, что повыше, был со шрамом.

– Вот здесь? – спросила Аня, указывая на свой подбородок.

– Точно! – удивилась Лада. – Слушай, а откуда ты это знаешь? Ты что, их видела?

– Видела, – кивнула Аня. – Они приходили ко мне. Но я им не открыла.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, – озадаченно проговорила Лада. – И все же ты правильно сделала, что им не открыла. Эти двое ведь приняли меня за тебя, когда похищали.

– Как? – пискнула Аня. – Им нужна была я?

– Вот, вот! – подтвердила Лада. – Но почему же они тебе об этом не сказали, когда ты с ними столкнулась?

– Понимаешь, я не хотела с ними разговаривать. И притворилась, что я – это ты, – сказала Аня. – Через дверь это легко было сделать. Я им представилась домработницей и сказала, что я одна дома. Хозяев нет, и дверь я никому не открою. Они поверили и ушли.

– Так вот кого я должна благодарить за то, что эти сволочи вернулись злые как черти и принялись дубасить меня почем зря. Еще хорошо, что у меня много жира. Иначе они бы мне точно что-нибудь сломали. Я теперь поняла, куда они помчались. Это они ринулись к тебе проверять, не соврала ли я, что не Анна Фишер. Как только я поняла, что они принимают меня за тебя, то сразу же сказала, что я всего лишь домработница. Вот они и поехали проверять. А я все в толк взять не могла, чего они такие злые вернулись. Все ботинки об меня попортили.

– А что они от тебя, то есть от меня хотели? – спросила Аня.

– Ничего они не хотели. Я так поняла, что они через меня, то есть через тебя собирались шантажировать твоего, то есть моего... То есть... Тьфу ты! Запуталась! В общем, они хотели шантажировать Герберта. Что-то им от него было нужно. Но мне они, понятное дело, не признались. Вроде бы он у них какую-то бумагу украл. Или что-то в этом роде. И теперь они хотят эту бумагу вернуть.

– И все?

– А что тебе еще нужно? – немного обиженно спросила Лада. – И где благодарность? Я за тебя кровь, можно сказать, проливаю, а ты тут сидишь в тепле и сухости и пирожки печешь! Двое суток надо мной измывались. Прямо и не знаю, как жива осталась. И вот что, где твой Герберт? Пока те молодцы использовали меня вместо «груши», у меня накопилось к твоему мужу несколько вопросов.

– С этим придется подождать! – вздохнула Аня. – Я и в самом деле не имею ни малейшего понятия, куда делся Герберт. А как тебе удалось удрать от тех парней?

– Это было довольно трудно. Сначала они меня так отделали, что я и пошевелиться не могла. Все у меня болело. На следующий день они оставили меня одну в пустом доме. Но связали так крепко, что я не смогла освободиться, как ни старалась. А вечером парни приехали. Снова злые. На меня уже почти внимания не обращали. Вроде я у них вместо мебели. Поели и завалились спать. А меня оставили сидеть на стуле в ожидании, пока Герберт пожелает меня спасти. Долго бы им пришлось ждать. Так что я вроде им даже услугу оказала, когда сбежала.

– Но как у тебя это получилось?

– Веревка, которой они меня связали, за целый день все же ослабела. А ногти у меня на руках крепкие. Я немного повозилась и развязалась. Потом потихоньку выскользнула из дома. Прямо через дверь. У меня было сильное искушение добраться до парней и придушить их обоих.

– Тебя можно понять. Лично я бы тебя не осудила, если бы ты так и сделала, – сказала Аня.

– Меня остановило, что парней было двое. Пока я бы душила одного, второй, проснувшись, скрутил бы меня. Поэтому я просто удрала от них. Сложнее было добраться до города. Выглядела я, как видишь, не слишком здорово. Никто из водителей не хотел сажать меня к себе в машину. Но в конце концов я все же добралась. И сразу же помчалась к тебе, чтобы предупредить.

– Спасибо, – поблагодарила ее Аня. – Ты и в самом деле мне помогла.

– Ну, мне пора, – засобиравлась Лада. – Нужно себя в порядок приводить. И моему ослу надо бы уши начистить, чтобы особенно не мечтал от меня избавиться. Я ведь сначала подумала, не его ли это рук дело. Но нет! Он до такого бы не додумался.

И Лада направилась к дверям.

– А что ты кладешь в начинку? – внезапно остановившись на пороге кухни, спросила она. – Кроме яблок, я имею в виду?

– Ничего, – правдиво ответила Аня. – Я ничего не кладу. Это Герберта нужно спрашивать. Он начинку готовил. По-моему, там был мед, корица и еще какие-то пряности.

– Обязательно узнай, какие именно, – попросила Лада. – Мне пирог очень понравился.

И она пошла к дверям, оставив Аню в полном недоумении.

– Стой! – опомнившись, окликнула ее Аня. – А когда ты от тех парней сбежала?

– После полуночи, – пояснила Лада. – Эти сволочи телевизор включили и футбол смотрели, пока я на стуле от голода помирала. Ненавижу футбол. Так вот ровно в полночь они пошли спать. А я сбежала максимум через час после этого.

– А сейчас уже восемь, – с помертвевшим лицом сказала Аня.

– Ну, говорю же, добиралась долго, – пояснила Лада.

– Я не о том. Эти двое уже должны были проснуться и обнаружить, что птичка-то упорхнула. И теперь они явятся сюда! За мной!

– Не явятся, – успокоила ее Лада. – Они же не дураки. Явятся, а тут их уже полиция, которую ты вызвала, поджидает.

– Но я никакой полиции не вызывала.

– А им об этом откуда известно? – спокойно спросила Лада. – Нет, они уверены, что я тебя предупредила, а ты сообщила обо всем в полицию. И теперь они будут искать другой способ воздействовать на твоего мужа. К тому же вчера вечером они уже знали, что похитили не ту женщину. Не знаю откуда. Но они на меня еще и наорали, почему я им сразу же не сказала, что я не Анна Фишер.

С этими словами Лада сделала попытку открыть дверь. Аня метнулась к ней и загородила дверь своим телом.

– Ты что? – удивилась Лада.

– Нужно проверить, нет ли там кого, – объяснила Аня. – А то вдруг эти парни там.

Лада подошла к двери вплотную, приникла к щели и с силой втянула носом воздух.

– Ты чего? – опешила Аня.

– Нет их там, – уверенно сказала Лада. – У меня классный нюх. Хорошо улавливаю запахи. А от второго парня так противно воняло, что я надолго этот дух запомнила, – объяснила Лада и вышла на лестницу.

Там и в самом деле никого не было. Никаких вонючих подонков и подонков со шрамами на подбородках на лестнице не наблюдалось. Если не считать, конечно, соседского кота, которым действительно пропахла вся лестница и которого украшал сразу десяток шрамов. Они достались ему в сражениях за благосклонность прекрасного пола.

Итак, Лада спокойно вышла из Аниного дома и отправилась к себе. Аня закрыла за ней дверь и призадумалась о том, что ей делать дальше. По всему выходило, что лучше всего затаиться. Как только Аня пришла к выводу, что затаиваться ей лучше всего за решеткой в безопасности полицейского участка, как в дверь позвонили. Аня заглянула в «глазок» и увидела там инспектора Гюнтера. На этот раз он был один.

– Очень хорошо, что вы пришли! – открыв дверь, с порога закричала Аня. – Проходите! Проходите скорей!

Полицейский даже опешил от такого радушного приема. Он опасливо покосился по сторонам, но в дверь все же вошел и, откашлявшись, уставился куда-то в область Аниной талии.

– Я разбудил вас? – спросил он.

И только тут девушка вспомнила, что до сих пор не передела ночной сорочки, на которую лишь накинула коротенький шелковый халатик, совершенно ничего не скрывавший. Охнув, Аня помчалась в спальню. Вскоре она появилась перед инспектором совершенно одетая и даже причесанная. За это время страж порядка уже успел уютно устроиться в кресле.

– Очень хорошо, что вы пришли! – повторила Аня.

И сразу же вывалила на инспектора всю полученную от Лады информацию, не скрыв того факта, что похитить хотели вовсе не Ладу, а ее саму. Инспектор внимательно выслушал Аню. А потом надолго замолчал, задумчиво глядя в сторону.

– Ну, что вы скажете про этих людей? – затормошила его Аня. – Они действительно преступники? А чего они хотят от меня?

Инспектор пробурчал что-то в том духе, что Ане должно быть виднее, чего от нее хотят эти люди. Такое отношение Аню взбесило.

– Если бы я сама знала, что этим типам от меня нужно! Они хотят знать, где мой муж. А этого я как раз не знаю.

– Не знаете? – проницательно посмотрел на нее инспектор. – Так он не появлялся?

– Нет, – покачала головой Аня. – Ума не приложу, во что он мог влипнуть, почему за ним охотятся эти люди. Я вот подумала, а может, это они Кристину убили, а?

– Как я могу побеседовать с вашей уборщицей? – перебил Аню инспектор.

– Хотите, чтобы она отвезла вас к тому дому, где ее держали пленницей? – догадалась Аня. – Я вам дам телефон Лады и ее адрес. Она живет недалеко. Через одну улицу.

И она побежала в другую комнату за адресом. Получив нужную бумажку, инспектор встал и стал прощаться. Аня проводила его до двери.

– А зачем вы ко мне-то приходили? – спросила она его уже у двери.

Инспектор отвел глаза и смущенно пробормотал себе под нос что-то невразумительное. Но, в общем, Аня поняла, что инспектор приехал, потому что с утра звонил ей несколько раз. А так как к телефону не подходили, он решил, что с Аней случилось что-то ужасное. И вот приехал проверить. Ане даже стало неловко, что, отключив телефон, она переволновала столько людей...

Когда инспектор ушел, Аня заперла за ним дверь на все замки в надежде, что рано или поздно положение изменится к лучшему. Телефон Аня не включала, чтобы не нервировать себя звонками. И действительно, положение изменилось. И очень даже скоро. Во всяком случае, быстрее, чем Аня рассчитывала.

Не успела Аня легко поужинать консервированным горошком из банки и двумя поджаренными сосисками, как в дверь позвонили. На улице было уже темно. Аня затряслась от страха и решила, что пришел ее последний час. Пистолет Блондина все еще был у нее. Хотя с Блондином у них установились теплые отношения, но пистолет Аня отдать ему как-то забыла. И очень кстати...

– Анька! Ты жива? – за дверью раздался тревожный вопль, сопровождаемый целой серией ударов в дверь.

Аня онемела и даже потрясла головой. Неужели этот голос ей мерещится?

– Анька! Что случилось? Если не откроешь, значит, ты умираешь. Или уже умерла. И тогда я сломаю дверь!

Эта угроза заставила Аню зашевелиться. Насколько она знала свою подругу, угроза сломать дверь была не просто угрозой. Мариша и в самом деле могла высадить дверь и даже сделать это с легкостью. Потому что силой ее господь не обделил. Аня распахнула дверь и оказалась нос к носу с Маришей. Рядом с подругой стояла большая сумка, которая подтвердила, что все это Ане не снится. И Мариша действительно прилетела в Вену!

– Наконец-то! – воскликнула Мариша, отталкивая онемевшую Аню и втаскивая свою огромную сумку. – Ты жива? Я тебе звонила, звонила. А у тебя никто не подходит.

– Я телефон отключила.

– А я волновалась, что ты умерла! А ты жива?

– Жива, – слабо кивнула Аня. – А ты откуда здесь?

– Ты даешь! – восхитилась Мариша. – Ты меня удивляешь! Сама же мне третий день подряд рассказываешь по телефону про всякие ужасы. Я же тебе вчера сказала, что прилечу. И буду тебя спасать. Ты что, забыла?

– Ну, я думала, ты это так говоришь. Просто, чтобы меня успокоить, – промямлила Аня.

– Как это нелепо! – фыркнула Мариша. – Тебе грозит опасность или не грозит?

– Грозит! Грозит! Еще как грозит! – закивала головой Аня, словно китайский болванчик.

– Значит, я прилетела не зря, – констатировала Мариша. – И нечего на меня глаза таращить. Что тут сложного? Села на самолет и прилетела. Билеты купить для меня никогда не было проблемой. Так что я здесь. И дай мне, в конце концов, выпить чего-нибудь. И съесть тоже. Потому что пока тебя в этой Вене нашла, с меня семь потов сошло. И слушай, включи, пожалуйста, телефон. Мне маме позвонить надо. Сказать, что добралась благополучно.

Аня провела Маришу на кухню и дала ей порцию горошка с сосисками. А бутылку вина Мариша нашла сама. И подруги, устроившись на кухне, славно отметили приезд Мариши.

– Честное слово, в себя прийти не могу! – сказала Аня. – Ты мне словно снег на голову свалилась. Я и открывать не хотела. Думала, опять бандиты приперлись.

– Кстати, я так и не поняла, во что ты снова влипла? – оживилась Мариша.

– Это не я, – тоскливо вздохнула Аня. – Это мой муж. Что-то он у кого-то спер. И вот теперь эти люди хотят его видеть. И допытываются то у меня, то у моей уборщицы, где прячется Герберт.

– А при чем тут твоя уборщица? Я что-то не поняла? – спросила Мариша.

Пришлось Ане рассказать подруге все, начиная с убийства Кристины и кончая похищением Лады.

– А насчет сокровищ кайзера – это мне Блондин наврал, – закончила свой рассказ Аня.

– Да, я тоже так думаю, – согласилась Мариша. – А жаль. Но что же мог у них похитить Герберт? И главное, у кого?

– Сама голову сломала.

– А кстати, где он работает?

– В какой-то фирме. Занимается наладкой аппаратуры. Он инженер-электрик.

– Ясно, что ничего не ясно, – заключила Мариша.

И тут раздался телефонный звонок.

– Ой! – разом подскочили на стульях девушки.

Телефон продолжал звонить.

– Сними трубку! – почему-то шепотом приказала Мариша. – Мы же теперь вдвоем. Нам ничего не страшно.

Аня особого прилива мужества не испытывала. Хотя, конечно, одной было бы еще страшнее. Но тем не менее она сняла трубку. И почти умирающим голосом сказала:

– Алло.

– Аня! – немедленно отозвался телефон голосом мужа. – Ты еще жива!

Начало разговора, а также неподдельное удивление, звучавшее в голосе Герберта, вогнало Аню в откровенную тоску.

– Звоню тебе почти сутки по два раза в час, – продолжал супруг. – Аня слушай, ты должна быть очень осторожна. Никому не открывай. И лучше уезжай к себе домой. Тебе опасно оставаться у нас дома. Собирай вещи и улетай. Я тебе потом все объясню.

– Я не могу улететь, – отозвалась Аня. – Меня подозревают в смерти Кристины.

На другом конце провода возникло продолжительное молчание.

– Как? – дрогнувшим голосом спросил Герберт. – Кристина мертва? Это точно?

– Ага! – энергично кивнула Аня. – Мертвей не бывает. Понимаю, что ты хотел, чтобы было наоборот. Я была бы на ее месте. Но судьба распорядилась иначе. Придется тебе с этим смириться.

– Аня! – завопил Герберт. – Все равно уезжай. Куда хочешь. Если и Кристина мертва, то все еще хуже, чем я предполагал. К сожалению, я ничего не могу тебе объяснить. Потому что и сам плохо понимаю, что происходит.

– Где ты сейчас? – спросила Аня.

– Это неважно, – ответил Герберт. – Я в надежном месте.

– Наверное, у какой-нибудь очередной любовницы! – сердито бросила Аня. – А ко мне, между прочим, приходил твой друг – Ханс! Знаешь такого? Он блондин. Очень симпатичный.

– И что он хотел?

– Спрашивал, где ты. Рассказывал какую-то историю про пять обрывков и про спрятанное золото кайзера. Хочу сказать, что у твоего друга богатая фантазия. Почему ты меня раньше с ним не знакомил? Я очень смеялась над его рассказом. Он же мне все наврал?

– Почему все?

– Никакого золота не существует.

– Откуда ты знаешь? – удивился Герберт. – А с чего это Ханс так разоткровенничался с тобой? Почему рассказал про пять писем?

– Я тебе ничего не скажу, пока ты мне не откроешь правду, – отрезала Аня. – Что это за пять обрывков, из-за которых вы все так носитесь? И что еще за письма?

Герберт немного помолчал и вздыхал.

– Это долгая история, – наконец сказал он. – Я не могу столько говорить.

– Расскажи вкратце, – стояла на своем Аня, побуждаемая энергичными щипками Мариши.

– Если вкратце, то все началось с того, что мне и еще троим моим друзьям по почте пришли одинаковые конверты. И каждый из них содержал записку еще от одного нашего друга, Клауса, и обрывки какого-то документа. На обрывках был изображен план местности и пояснения к нему, сделанные шифром и готическим шрифтом на старонемецком языке.

– Кто этот Клаус?

– Аня, ты что, не помнишь Клауса? – удивился Герберт. – Он еще приходил поздравить нас со свадьбой и принес корзину с цветами, украшенными деньгами.

– Вспомнила! – воскликнула Аня. – Ты еще потом ворчал, что и пятидесяти евро не наберется...

– Да, верно. Так вот Клаус послал нам эти письма. В них говорилось, что, если мы получили эти письма, значит, он попал в беду. И не знает, сумеет ли выкрутиться. И просит сохранить эти обрывки, вложенные в письма, в целости и сохранности. Или поступить с ними, как мы сочтем нужным. Боже мой! Аня, я сам ничего не понимаю. Свой обрывок я перевел на современный немецкий, но мне это все равно ничего не дало. А потом за мной стали следить какие-то люди. И в конце концов на меня напали на улице какие-то типы. Вывернули все содержимое моих карманов и забрали листок с переводом и копией рисунка. Причем люди, что напали на меня на улице, были те самые, что приходили к нам домой. Один из них со шрамом. А от второго мерзко разит тухлятиной. И когда они появились у меня дома, то я испугался и сбежал. Я не знал, что все обстоит так скверно. И что Кристина тоже погибнет.

– А кто еще погиб? – насторожилась Аня.

– Думаю, что Клаус тоже давно мертв, – сказал Герберт. – Со времени получения этих писем прошло уже четыре дня. А он так и не объявился. Письма были посланы двенадцатого числа, в прошлую пятницу, из Грейна.

– А почему Клаус направил письма именно вам? – спросила у мужа Аня.

– Мы же его друзья, – удивился Герберт. – Какие ни есть, но, во всяком случае, других друзей у Клауса не было. Ханс работает с профессором Линдтнером на одной кафедре. Они учились с Клаусом на одном курсе университета. Я и Кристина познакомились с Клаусом через них. Это было больше двадцати лет назад. И с тех пор мы все вместе хорошо дружили.

– А что Клаус делал в этом Грейне? – спросила Аня. – Он ведь живет в Вене.

– Ты слишком много от меня хочешь, – ответил Герберт. – Откуда я знаю? Теперь скажи, как тебе удалось раскрутить Ханса, чтобы он рассказал про это дело? Ты мне изменила?

– А тебе не кажется, что прежде чем сбегать из дома, тебе следовало рассказать мне всю правду? – спросила у мужа Аня, оставив без внимания ревнивый вопрос Герберта. – Ты вот молчишь, а я молчать не буду. Ты должен был поговорить со мной вместо того, чтобы оставить меня в наивном неведении перед лицом опасности. Ты-то от бандитов сбежал. Тебе хорошо! Но ты не подумал, что они могут взяться и за меня.

– Аня! – закричал Герберт. – У меня очень мало времени. Ты обещала. Откуда ты знаешь про письма?

– Ладно уж, – вздохнула Аня. – В конце концов, Кристина просила передать эту бумагу тебе. А я свято чту последнюю волю умирающего. Даже если этого умирающего всю жизнь люто ненавидела.

– О чем ты говоришь? – заголосил Герберт. – Ты видела Кристину перед ее смертью? Кристина тебе что-то оставила?

– Еще раз упомянешь имя этой особы, и наш разговор можешь считать законченным, – холодно отрезала Аня. – И на нашей супружеской жизни тоже смело ставь крест.

Судя по звукам, доносившимся из трубки, Герберт с трудом сдерживался.

– Да, твоя подруга оставила мне свой обрывок вашей драгоценной карты. А потом Блондин тоже. Или если соблюдать хронологию – сначала Блондин, а потом Кристина.

– Какой Блондин? – в отчаянии простонал Герберт. – Он-то откуда взялся? Боже мой, меня нет дома всего трое суток, а возле тебя уже кружат какие-то подозрительные мужчины. Аня, детка, прошу тебя, будь осторожна. Все. Времени говорить больше нет. Детка, будь дома. Я еще тебе позвоню. Сообщу, как ты сможешь передать мне бумагу, что оставила тебе Кристина. И помни, что это очень важно. Береги ее.

Эта фраза Герберта была последней. Она же заменила традиционное «Целую!». Или более романтическое «Я тебя люблю!». Аня не была избалована знаками мужниного внимания. Она была бы рада любому из этих двух вариантов. Или более приличествующему случаю «Береги себя!». Но увы! Герберт предпочел беспокоиться о своих проблемах. Ну, так их у него прибавится.

– Какой подлец! – пробормотала Аня себе под нос. – И он еще смел говорить, что любит меня. Бросил на съедение своим бандитам. Кстати, кто они такие, Герберт мне так и не сказал.

– А что вообще сказал? – спросила Мариша.

– Велел сидеть дома и дожидаться, когда он позвонит.

Мариша поперхнулась вином.

– Ни в коем случае! – энергично запротестовала она. – По личному опыту не советую. Рехнешься, пока ждешь. А он позвонит, может быть, только через неделю. Что, так и сидеть, его ожидаячи.

– Но ему вроде бы нужен тот обрывок документа, который мне передала Кристина.

– Все равно.

– А что ты предлагаешь? – растерялась под натиском Мариши Аня.

– Для начала сделать все наоборот, – сказала Мариша. – Он просит тебя оставаться дома и не совать нос в это дело?

– В общем, да.

– И надеяться, что как-нибудь все обойдется? – продолжала Мариша.

– Да, так его можно было понять, – снова кивнула Аня.

– В таком случае мы завтра же... Нет, уже сегодня начинаем свое собственное расследование.

– Может быть, предоставить это полиции? – робко спросила Аня. – Инспектор Гюнтер обещал, что они обязательно найдут убийцу Кристины.

– Пока полиция выйдет на след этих субъектов, ты уже будешь лежать на столе в прозекторской, – мрачно бросила Мариша. – Твой инспектор хоть охрану тебе обеспечил?

– Нет.

– Вот видишь! – почему-то обрадовалась Мариша. – Тебе меня сам бог послал. Пропала бы ты ни за грош с этими мужиками. Они ведь все задним умом крепки. Уж ты мне поверь. Я потому и живу одна, что хорошо изучила их натуру. И нет у меня к ним ни малейшего доверия. Думаешь, чья вина, что мы сидим словно на пороховой бочке?

– Кто мы?

– Ну, вообще мы. Весь мир. Все мужики со своими игрушками, – сказала Мариша.

– Это ты уж чересчур, – усомнилась Аня. – Ты лучше скажи, что сейчас нам-то делать?

– Для всего нужна отправная точка, – авторитетно заявила Мариша. – Ну-ка, перескажи, о чем тебе муженек поведал.

Аня вылила в свой бокал остатки вина и принялась пересказывать.

– Все ясно! – воскликнула Мариша, как только Аня умолкла. – Мы едем в этот Грейн, откуда попавший в беду Клаус отправил свои письма. Подскажи мне, Грейн – это где?

– Верхняя Австрия, – вздохнула Аня. – Не очень далеко. Километров сто, может быть, двести. Но точно недалеко.

– А как нам туда добраться? – задумалась Мариша. – Машины у нас с тобой нет. Свою машину Герберт, эгоист этакий, забрал. Пункты проката автомобилей в это время тоже закрыты.

– В Грейн ходит поезд, – подсказала Аня.

– Так что же ты молчала! – обрадовалась Мариша. – Собирайся, мы едем туда.

– А что брат? – растерялась Аня.

Мариша смерила ее жалостливым взглядом.

– Ох, подруга, – проговорила она, – смотрю я, плохо на тебе сказалась замужняя жизнь. Совсем связь с реальностью потеряла. Деньги с собой бери. И все. В нашем положении тюки с багажом с собой таскать нет резона. При погоне могут стоять жизни.

Этим оптимистичным заявлением Мариша и закончила свой инструктаж. Аня отправилась за деньгами. К счастью, во время обыска квартиры она нашла их достаточное количество. Словом, хватит для проведения любого расследования. Без малейших угрызений совести она переложил в свой карман пять из одиннадцати тысяч евро, принадлежавших Герберту. И счастливая, что разом разбогатела на весьма приличную сумму, сообщила Марише, что готова пуститься в путь.

Однако подругу она застала мирно спящей возле пустой винной бутылки. Аня попыталась разбудить Маришу, но скоро поняла, что это бесполезно. Подруга храпела, как целая рота солдат. Пришлось оставить ее в покое спать, а самой, как говорится, встать на вахту – сторожить ее сон. Несла Аня стражу долго. Потом сон сморил и ее.

Проснувшись Аня рано от кошмарного сна. Подобные ужасы стали входить у нее в привычку, что не на шутку тревожило. На этот раз Ане снилось, что ее четвертует какой-то палач. Причем тип ей совершенно незнакомый. Почему-то этот факт возмутил Аню больше всего.

Одно дело, когда тебя душит твой родной, хоть и бывший, муж. Уж кому-кому, а Ане лучше других было известно, что он имел для этого достаточно оснований. Но когда чужой мужик готовится нарубить из тебя котлет, это уже слишком. Аня вскочила с коврика в прихожей, где провела ночь, и огляделась. Вроде бы все спокойно.

– Мариша! – набрав воздуха в легкие, позвала она подругу. – Мариша!

– Проснулась? – откликнулась Мариша. – Ну, слава богу. А то я уж думала, что не смогу тебя добудиться.

– Ты? – ахнула Аня. – Это я тебя всю ночь пыталась разбудить. Ты дрыхла без задних ног и храпела.

– А зачем ты меня будила? – поинтересовалась Мариша.

– Ты что, забыла? Сама же заявила, что нам нужно ехать в Грейн.

– Но не среди же ночи, – пожала плечами Мариша. – Что бы мы там делали в глухую полночь. Сомневаюсь, что в этой деревушке существует приличная гостиница. Или какая-нибудь гостиница вообще. А так мы с тобой отлично выспались дома. Во всяком случае, я отлично отдохнула. И никак не возьму в толк, зачем ты провела ночь на коврике перед дверью? Никто же нас не убил. И даже попытки не сделал.

Аня набрала воздуха в легкие, чтобы возразить: их не убили потому, что она всю ночь стояла, вернее, лежала, на страже. Но Мариша не дала ей открыть рта.

– А теперь, если ты готова, пошли! – скомандовала она.

Подруги вышли из дома лишь спустя сорок минут. Поднялись они так рано, что в этот момент не было еще и шести часов утра. Никто друг не остановил. Должно быть, зловерные бандиты со шрамами все еще приходили в себя после побега Лады. Улицы были еще пустые, а редкие прохожие доверия не вызывали.

Поэтому Аня переложила пистолет в карман куртки. И теперь, да еще в обществе полной решимости и отваги Мариши, чувствовала себя почти уверенно. На вокзале подруги влезли в первый поезд, который сегодня шел до Грейна. Как только состав тронулся, Мариша сразу же поинтересовалась, когда они в этот самый Грейн прибудут. Выяснилось, что около восьми утра.

– Как скверно! – расстроилась Мариша. – Вполне могли успеть еще выпить горячего кофе с булочками в каком-нибудь вокзальном буфете. И приехать в Грейн к девяти часам, когда уже будет работать почта. Ну тебя, Анька. Почему не сказала мне, сколько будем ехать?

Аня задохнулась от возмущения и не нашлась, что ответить. Мариша убивалась о не выпитом кофе до тех пор, пока Аня не сообщила, что в поезде есть, где перекусить. И даже нет необходимости далеко ходить. После этого Мариша заткнулась и помчалась выяснять у проводника, есть ли у него булочки к кофе. Обратно она вернулась совершенно умиротворенная.

– Сейчас он мне их принесет, – ликовала она. – Я и тебе чашечку заказала.

Проводник и в самом деле очень скоро появился с ароматным горячим кофе. Да и слоеные булочки оказались хоть и не горячими, но еще теплыми. Они так и таяли во рту. Начинены они были маслом и вишневым джемом.

– Знаешь, что я думаю? – не дождав булочку, спросила у подруги Аня. – Мне кажется вот что. Обрывок переведенного текста, который бандит со шрамом забрал у Герберта на улице, в конце концов оказался у Блондина. Значит, наверное, это Блондин и нанял тех бандитов. Так что нам его следует опасаться.

Мариша молча кивнула. К этому времени она слопала уже пять восхитительных булочек. Съела бы, конечно, и больше, но поезд прибыл в Грейн. Подруги быстро покинули вагон. Оказавшись на платформе, они огляделись по сторонам. Увиденное их порадовало.

Вокруг было зелено. Газоны пестрели какими-то миленькими цветочками. И несмотря на раннюю весну и пригородную местность, где оказались подруги, вокруг было сухо и довольно чисто. Дорожки были либо вымощены камнем, либо заасфальтированы. Повсюду их украшали цветочные рабатки или, на худой конец, живописные кирпичики.

– Мне тут нравится! – воскликнула Мариша, втянув в себя прохладный воздух. – Давно не выбиралась на природу.

– Ты тут не для того, чтобы на бабочек любоваться, – одернула ее Аня.

– Не умеешь ты ловить от жизни кайф, – пожаловалась Мариша. – Ладно, раз уж ты испортила мне настроение, скажи хоть, где тут почта.

Разобраться в этом вопросе подругам помог местный мужичок, который деловито пылесосил пол в своей лавочке. Почта располагалась совсем рядом, за привокзальной площадью. В небольшом двухэтажном домике на первом этаже. Как Мариша и опасалась, официально почта еще была закрыта. Но там уже кто-то копошился, должно быть, приводил свое рабочее место в идеальный порядок перед началом рабочего дня.

– Слушай, а зачем мы здесь? – внезапно сообразила Аня.

До сего момента она этим вопросом как-то не задавалась, полностью подавленная бурлящей через край энергией Мариши.

– Нужно узнать, кому послал пятое письмо этот Клаус, – пояснила Мариша.

– А разве мы этого не знаем? – удивилась Аня.

– Ты до пяти считать умеешь? – спросила в ответ Мариша. – Считай вместе со мной. Герберт – это раз. Кристина – это два. Тот загадочный Босс – это три. И твой очаровательный Блондин – это...

– Это четыре, – согласилась с подругой Аня. – Да, ты права. Был еще кто-то. Не самому же себе Клаус послал письмо.

– Вот именно. Вот о нем нам и нужно узнать. Может, нам повезет и удастся первыми добраться до этого человека. А если уж нам совсем повезет, то он отдаст нам свою часть рисунка.

– Вряд ли, – вздохнула Аня. – Кристина, Герберт, Ханс, этот его профессор Линдтнер – они все знакомы друг с другом. Значит, по логике, и последний клочок должен находиться у кого-нибудь из их сообщников. А раз так, то этот человек уж точно нам свой фрагмент не отдаст. Ты же видела, как они все за них держатся.

– Все так и не так, – проговорила Мариша. – Вот поставь себя на место этого Клауса. Он со всех сторон окружен врагами. И, вполне вероятно, считает, что его сдал кто-то из сообщников. Кто именно, он не знает. Иначе открыл бы их имена в своих письмах. Однако он подозревает. Поэтому четверым посылает по куску документа, а последний фрагмент – не исключено, самый важный, – где есть название или еще что-то значимое, он посылает не замешанному в это дело человеку.

– Совсем постороннему.

– Не совсем. Иначе, откуда бы Клаусу знать его адрес, – поправила ее Мариша. – И вот наша задача узнать на почте, кто этот последний человек. Задача ясна?

– Ясно, – кивнула Аня.

– Тогда вперед!

К этому времени почта уже открылась. Подруги вошли в помещение и направились к окошку приема корреспонденции. Там сидела немного помятая жизнью, но еще вполне живая тетка. Лицо у нее было доброе, но не слишком умное. Таким хорошо рассказывать разные небылицы, они охотно во все верят. А потом сами же первые смеются, как ловко их обманули.

– Guten Morgen! – поздоровалась Мариша.

Женщина улыбнулась подругам. Улыбка ее красила. Она разом помолодела лет на десять.

– Чем могу вам помочь? – спросила она по-немецки.

Этот язык Мариша изучала в школе, поэтому до недавнего времени помнила плохо. Но, благодаря тому, что подруга Аня жила то в Германии, то в Австрии, то есть в странах с немецким языком, а Мариша постоянно гостила у нее, Маришин немецкий существенно улучшился. И теперь она при желании могла болтать по-немецки так же бойко, как и по-русски.

Правда, такое желание появлялось у нее нечасто. Только в случае крайней необходимости. Так что сейчас Ане пришлось взять инициативу в переговорах со служащей почты на себя.

Время от времени Мариша шептала ей указания на ухо, чем только портила дело, потому что Аня от ее инструкций сразу терялась.

– Скажите, не вы ли дежурили на почте двенадцатого числа этого месяца? – робко спросила Аня.

О, эта прославленная аккуратность всех немецкоязычных стран! В России за подобный вопрос Аню бы просто облили презрением. Да кто, господа, помнит такие мелочи! У них не справочное бюро. Будете бандероль отправлять? Нет, так и идите себе. Здесь же служащая вежливо ответила, что да, двенадцатого работала именно она.

– Что вам угодно? – поинтересовалась женщина у Ани.

Аня рассказала, что ей угодно. Ее любимый, но душевно больной, а если точнее, так и вовсе помешанный брат, в очередной раз сбежал из-под надзора любящих родственников. Отправился подышать свободой.

– Понимаете, он выглядит почти нормальным. Брат совсем не буйный. Поэтому мама, да и все мы, категорически против того, чтобы отправлять его в лечебницу. Живем мы в Вене. За ним просто нужно хорошенько следить, чтобы он не удирал из дома. Почти как за маленьким ребенком. Но иногда он все-таки ускользает, – вдохновенно врала Аня. – Так случилось и на этот раз. Он сбежал. Такое уже случалось. И мы знаем, что обычно он едет за город, гуляет там, а потом возвращается. Но он такой беззащитный, что его могут обидеть. Или ему может прийти в голову какая-нибудь нелепая фантазия. Вот и в этот раз он во время своей отлучки умудрился разослать письма пятерым нашим знакомым и родственникам с извещением о том, что бабушка при смерти. Вряд ли протянет долго.

Служащая озабоченно цокнула языком. Она явно заинтересовалась этой выдуманной от начала до конца историей.

– И мы знаем имена четверых получателей. Они уже позвонили нам с соболезнованиями, – продолжала врать Аня. – Но вот кто пятый, мы не знаем. А брат не говорит. И очень боимся, как бы это не была родная сестра бабушки. Она тоже совсем старенькая. Получив такое письмо, старушка сама может свалиться с сердечным приступом.

– Вполне может быть, – согласилась служащая. – Что же, не знаю, чем могу вам помочь, но я помню вашего брата. Честно говоря, правильно делаете, что не отпускаете его никуда одного. Он совсем не в себе. Я сразу обратила на него внимание. Он явился на почту в конце рабочего дня. Перед ним у моего окошка стояли еще несколько клиентов. Однако ваш брат был настолько взволнован, что я поневоле получше присмотрелась к нему. А когда я услышала его просьбу, то сразу поняла, что с головой у этого человека уж точно не в порядке.

– И что он у вас попросил? – любопытствовала Аня тоном обеспокоенной сестры.

– Сначала он купил у меня конверты. У него не было с собой мелких денег, пришлось менять купюру в сто долларов. Потом он снова вернулся ко мне: ему нужна была писчая бумага. Я уже заинтересовалась его поведением и стала наблюдать за ним. А потом он, нервно озираясь по сторонам, написал письма и заклеил конверты. Потом принес их мне, оплатил как заказные и попросил не отправлять в течение трех часов. Сказал, если за это время он не вернется или как-то иначе не даст о себе знать, я должна отправить почту адресатам.

– И вы согласились?

– Конечно. Я же не знала, что он душевнобольной человек, – оправдывалась служащая. – Я честно прождала до условленного времени. Ваш брат не явился и не позвонил, и я отправила письма.

– А вы не помните адресатов? – спросила Аня.

– Честно говоря, нет, – призналась служащая. – Конечно, я любопытствовала. Но адресов не помню. Только помню, что четыре письма были в Вену, а одно – в Грац.

– В Грац! – воскликнула Аня. – Спасибо большое, вы нам очень помогли.

И подружки выскочили из почты.

– Ты была права! – радовалась Аня. – Он отправил пятое письмо своей невесте в Грац. Помню, Клаус еще жаловался, что она никак не хочет оттуда уезжать. А ему из-за работы невозможно перебираться в такой маленький городок.

– Едем в Грац? – спросила Мариша.

Но Аня не успела ответить, потому что следом за подругами на улицу выбежала служащая.

– Я совсем забыла вам сказать, – прокричала она, – что вашим братом недавно уже интересовался какой-то мужчина! Очень привлекательная внешность. Высокий блондин.

– Со стильной стрижкой? – уточнила Аня.

– Да.

– Это мой дядя, – уже машинально (должно быть, сказывалось влияние Мариши) соврала Аня.

– Очень странный, – уже спокойно продолжала служащая. – Вы уж простите, но вот кого-кого, а его точно в сумасшедшем доме нужно содержать. Он тут провел несколько часов, все допытывался, кому послал письма ваш брат. И никак не хотел верить, что я не помню адреса в Граце.

– И когда он у вас побывал? – удивилась Аня.

– Два дня назад, – сказала служащая. – И знаете что? Ведь не он один интересовался этими письмами.

– Нет, а кто еще? – еще больше удивилась Аня. – Кто-то еще из моих родственников?

– Не думаю, чтобы это были ваши родственники, – сухо сказала служащая. – Но лучше я расскажу по порядку. В тот же день, когда ваш брат оставил у меня свои письма, уже совсем перед закрытием почты сюда явились двое мужчин. И тоже спрашивали меня про эти письма.

– И что вы им сказали?

– Сказала, что письма уже забрали. И что на почте у меня их нет. А вы знаете, кто бы это мог быть?

– Один со шрамом на подбородке, а второй поменьше ростом и вонючий?

– Нет, – удивилась служащая. – Это были прилично одетые молодые люди. Без шрамов. По виду арабы. Вы их знаете?

– Мы их наняли помочь нам в розысках моего бедного братика, – не моргнув глазом, снова соврала Аня, для которой появление двух арабов было полнейшей неожиданностью. – Мы их толком не знаем. Нам их порекомендовал кто-то из маминых знакомых. Они специализируются по розыску пропавших. А почему вы спрашиваете?

– Они вели себя очень некорректно, – неодобрительно заметила служащая. – Никак не хотели верить, что писем на почте нет, что они уже на пути в Вену. Мой вам совет, не связывайтесь с этими типами. Настоящие бандиты. Чуть не разнесли все тут. И руку мне выкручивали. И луком с чесноком тут все обдышали. Несколько дней вся почта была заполнена этим запахом, как я ни проветривала.

– Сочувствую, – пробормотала Аня, которой тоже очень не понравилось, что таинственные незнакомцы уже успели побывать на почте.

Вот не было печали, так еще какие-то арабы нарисовались.

– А вы сказали им, куда адресованы письма? – спросила Мариша у служащей. – Сказали про Вену и Грац?

– Да, – удивленно кивнула женщина. – Сами письма я бы им, конечно, не отдала. Но я не видела причины не сказать, куда они отправляются. К тому же я просто испугалась. Парни были настроены очень решительно. И я думаю, что без моего ответа они бы не ушли. Но почему же эти двое, работая на вас, не рассказали вам, что уже были у меня? Тогда вам, девочки, не пришлось бы ехать в Грейн.

– Кто этих арабов разберет, – пожалла плечами Мариша. – Почему-то не сказали. Должно быть, решили, что им мало заплатили.

– Очень корыстные субъекты оказались, – поддержала ее Аня. – Не станем впредь обращаться к ним за помощью.

Девушки распрощались со служащей почты и отправились обратно на вокзал.

– И что будем делать? – спросила Мариша. – Грац – город довольно крупный. Как же найти там невесту Клауса?

– Ее звали фрау Ленер, – сказала Аня. – Элизабет Ленер. Клаус нам все уши прожужжал, какая у него Элиза замечательная. Как он ее преданно любит. И как долго ее добивался. Кажется, он влюбился в нее еще в школе. Насчет школы, правда, не уверена, но имя его невесты я точно помню. И не думаю, что в Граце наберется больше десятка фрау Ленер в возрасте от двадцати до сорока лет. Найдем эту невесту Клауса.

– Если она еще жива, – вздохнула Мариша.

Чтобы добраться из Грейна в Грац, подругам пришлось доехать сначала до Линца, а там уже сделать пересадку на поезд в Грац. До места они добрались уже ближе к вечеру. Все справочные столы должны были быть закрыты. К тому же ни Мариша, ни Аня не представляли, как эти справочные выглядят в Австрии и где искать их в Граце. Поэтому подруги отправились в центр города на такси.

Там они выбрали самую чистенькую гостиницу и поселились в двухкомнатном номере, где стояли две кровати и диван. Заплатить за него пришлось около ста евро. Но подруги об этом не пожалели. Потому что портье оказался славным малым. Он моментально проникся проблемой подруг, и не только проникся, но и помог ее решить.

Молодой человек нырнул в свой компьютер, пощелкал немного клавишами и через несколько минут выдал список всех проживающих в городе Граце фрау Ленер. Их оказалось всего восемь. Подруги тут же отбросили кандидатуры десятилетней школьницы и пенсионерки восьмидесяти трех лет. Шестидесятилетнюю учительницу они тоже отбраковали, хотя и с некоторыми сомнениями. Всего в списке осталось пять женщин в возрасте от шестнадцати до пятидесяти трех лет.

Начать поиск было решено с дам, которые все же больше подходили покойному Клаусу по возрасту. А ему было порядка сорока лет. Итак, в списке осталось всего три женщины, которым было в районе сорока и которых звали Элизабет Ленер.

– Прямо невиданное для такого небольшого города количество Элизабет Ленер, – сказала Мариша. – Тебе не кажется это странным?

– Кажется, – кивнула Аня. – Но что я могу поделать?

– Ничего, будем искать, – вздохнула Мариша. – Пойдем по адресам сегодня или отложим на завтра? Ты не устала?

– Не устала! Сегодня пойдем! – закричала Аня. – Неизвестно, что с нами будет завтра. И потом, мне не нравится, что Блондин и те двое арабов опережают нас уже на несколько дней.

И подруги вышли на улицу. По дороге они останавливались всего один раз, заходили перекусить в маленькое чистенькое кафе. Там заказали по порции жареных колбасок и фирменный ржаной хлеб, выпекавшийся с добавками из чеснока, толченых орехов и тмина. Хлеб подавался в качестве гарнира. Поэтому пришлось взять еще салат из свежей зелени и запить все это темным густым пивом.

Пиво оказалось очень хмельным. Подруги это сразу почувствовали, когда вышли из кафе на улицу. Весь мир им стал казаться более привлекательным и ярким, чем до посещения кафе. Первую фрау Ленер подруги нашли без труда. Она оказалась дома в окружении троих детей и мужа. Подруги быстренько распрощались и отправились дальше.

Следующая фрау Ленер встретила их неласково. Это была законченная старая дева, и вопрос подруг о женихе она восприняла как личное оскорбление. И даже издевку. Поэтому

захлопнула дверь перед носом подруг с таким видом, словно они, по меньшей мере, предложили ей заняться групповым сексом с волейбольной командой.

– Снова мимо! – расстроилась Аня. – Не везет нам!

– Ничего, без труда, как известно, не выловишь и рыбку из пруда, – назидательно сказала Мариша. – Поехали по последнему адресу. Вот если и там нам ничего не обломится, тогда и горевать будем.

В результате через полчаса подруги оказались перед хорошеньким трехэтажным домиком с балкончиками и зеленым садиком. В садике росли какие-то кусты, цвели цветочки и бил маленький фонтанчик, возле которого в ожидании ужина оживленно возились две девочки лет семи и девяти.

– Девочки, фрау Ленер живет здесь? – спросила у проказниц Мариша.

– Да, – кивнула старшая девочка. – Это наша соседка. Но ее сейчас нет. Она уехала.

– Куда? – хором воскликнули подруги.

– К своей маме, – сказала девочка, судя по всему, неплохо информированная. – В Швейцарию.

– А когда вернется? – простонала Аня. – Вы не знаете?

– Она не сказала, – покачала головой старшая девочка. – А кто вы? Зачем вам фрау Элиза?

– У нас новости о ее женихе, – мрачно буркнула Мариша. – Есть у вашей соседки жених?

– Есть! – с готовностью кивнула младшая девочка. – Клаус. Он очень славный. И подарил мне котенка, когда гостил у тети Элизы в последний раз.

– Молодец! – одобрила Мариша то ли Клауса, то ли котенка, то ли саму девочку. – Но как же нам все же найти вашу соседку. Ее жених попал в беду. И прислал нас, чтобы мы сообщили об этом его невесте.

– А что с ним случилось? – поинтересовалась старшая девочка. – Его убили?

– Откуда ты знаешь?

– Несколько дней назад сюда уже приезжали двое мужчин. Они тоже спрашивали про Клауса и тетю Элизу. Мне они не понравились. Мама говорит, что с арабами нужно быть осторожными.

– А те люди были арабами? – спросила Мариша у просвещенного ребенка.

– Да, – кивнула девочка. – И я думаю, что мама права насчет этих людей. Сразу было видно, какие они злые. Мы им тоже сказали, что тетя Элиза уехала в Швейцарию. И они даже почернели от злости. Думаю, если бы вокруг не было много людей, они бы нас побили. И потом, они тоже хотели узнать у нас адрес тети Элизы, но мы им не дали. И еще приезжал один человек. Такой высокий и со шрамом вот здесь.

И девочка показала на свой подбородок.

– Он тоже спрашивал адрес Элизиной мамы, но мы ему не дали.

– А у вас есть этот адрес? – насторожилась Мариша.

Девочки переглянулись, должно быть, прикидывая, можно ли верить своим новым знакомым.

– Есть у мамы, – наконец приняла третейское решение старшая девочка. – Пойдемте к ней.

Но пойти к маме они не успели. Позади них хлопнула дверь, и появилась молодая и привлекательная рыжеволосая женщина. С красивым и немного встревоженным лицом. Она быстро прошла по дорожке в сторону дома. В руках она держала небольшую дорожную сумку. Одета незнакомка была в скромную полотняную куртку с капюшоном.

– Здравствуйте, сестрички! Как дела? Меня никто не спрашивал? – обратилась она к двум девочкам, смерив для начала внимательным взглядом стоявших рядом с ними Аню с Маришей.

– Здравствуйте, тетя Элиза. Вот они о вас только что спрашивали, – кивнула старшая девочка на Аню с Маришей.

Элиза повернулась к подругам и еще раз внимательно окинула их взглядом.

– Я вас не знаю, – наконец заключила она. – Уходите!

И направилась было к дому.

– Знаешь, – остановила ее Аня. – Я жена Герберта. А это моя ближайшая подруга.

– А! – вспомнила девушка. – Да, Клаус мне действительно говорил, что был в гостях у Герберта и поздравлял вас с вашей свадьбой. К сожалению, я не могла приехать вместе с ним. Было много дел. Мы решили, что вместе навестим вас в следующем месяце, когда я буду посвободней. А что у вас ко мне за дело? Как вы здесь оказались? – заинтересовалась она. – И где Герберт?

– Это касается вашего жениха, – сказала Мариша, игнорируя вопрос насчет Герберта. – Мы можем поговорить с вами наедине?

– Вон на той лавочке, – кивнула Элиза на стоявшую под деревом скамейку с изящной гнутой спинкой. – Вам подходит?

– Нам все равно, – согласилась Мариша.

– Что с Клаусом? – сразу же спросила Элиза, когда женщины присели на лавочку. – Он жив?

– Надеемся, что да, – дипломатично ответила Аня. – Во всяком случае его трупа еще никто не находил.

– Я специально вернулась от мамы, чтобы узнать, все ли с ним в порядке, – помолчав, сказала Элиза. – У меня сердце было не на месте. Он так холодно попрощался со мной в свой последний приезд ко мне. И вообще, вел себя странно, был необычно рассеян. Казалось, полностью поглощен своими мыслями. И потом это странное письмо... Получив его, я сразу же отправилась к маме, как и просил меня в своем послании Клаус. Я надеялась, что он мне позволит и объяснит, в чем дело. А звонка от него так и не было. Поэтому я долгого ожидания не выдержала и решила вернуться.

– Но что же с ним могло случиться? – спросила Аня.

– А как тебе понравился наш с Клаусом подарок вам к свадьбе? – вместо ответа поинтересовалась у Ани девушка. – Правда, изумительный аромат? Я специально выбирала его в парфюмерном магазине.

– Да? – удивилась Аня. – Честно говоря, я не почувствовала никакого особого запаха. А ты ничего не путаешь? Клаус принес нам корзину искусственных цветов, на которые были наклеены денежки. Чему там пахнуть? Нет, они точно не пахли.

– Теперь я вижу, что ты и в самом деле та, за кого себя выдаешь! – обрадовалась Элиза. – Прости меня. Дело в том, что в последнее время вокруг меня стали появляться незнакомые люди, которые хотят что-то выяснить про Клауса. А я же ничегошеньки не знаю, где он сейчас. Сама теряюсь в догадках.

– Прямо моя ситуация! – воскликнула Аня. – У меня тоже все хотят выяснить, где мой муж.

– Какие же это люди? Кто они?

– Один потрясающе стильный блондин.

– Это Ханс – приятель Клауса. А кто еще? – спросила Элиза.

– Еще какие-то арабы, – сообщила Аня.

– Точно! – испугалась Элиза. – И ко мне они приходили. Меня уже здесь не было. Но мне рассказала соседка. Я звонила ей от мамы, хотела узнать, не появлялся ли Клаус. Вот она и сказала, что Клаус не появлялся, зато приходили эти двое арабов. И еще один человек со шрамом на подбородке.

– Да, и ко мне тоже он приходил, – кивнула Аня.

– И все они хотели меня видеть. Или в крайнем случае получить мой, вернее, мамин, адрес. Ума не приложу, что им от меня понадобилось.

– Так ли? – пристально глянула на нее Мариша. – Так и не подозреваешь?

Элиза, казалось, смутилась.

– Вы о том странном обрывке бумаги, который Клаус зачем-то вложил в свое письмо? – спросила она.

– Да-да, именно о нем и речь! – заверила ее Аня.

– Но Клаус в письме не велел отдавать этот обрывок посторонним, – сказала Элиза. – И вообще беречь его как зеницу ока.

– У нас тоже есть похожие обрывки, – заявила Аня. – Хочешь, сверим?

– Давайте, – нерешительно согласилась Элиза. – А вы меня не обманываете?

– С какой стати? – обиделась Аня. – Я так же, как и ты, хочу лишь одного – найти своего любимого, который неизвестно куда делся.

Невесту Клауса этот аргумент убедил. Она расстегнула потайной кармашек на внутренней стороне джинсовой штанины и достала оттуда свернутую бумажку, заботливо запаянную от сырости в целлофан. Сразу было видно, что Элиза предусмотрительная девушка.

Разорвав зубами прозрачную пленку, Элиза выложила на стол свой обрывок. Аня с Маришей присоединили к ним свои фрагменты. И девушки принялись азартно перекладывать три неровно оборванных куска бумаги так и этак. На куске карты Элизы были видны несколько первых букв какого-то названия, написанного не готическим шрифтом. «Bad...» и дальше надпись обрывалась.

Тем не менее теперь, когда три девушки сложили имеющиеся у них обрывки, стало совершенно очевидно, что на рисунке изображена одна и та же местность. Это-то подруги поняли. Не совсем дурочки. Оставалось выяснить самую малость: что это за местность.

– Это может быть и Баден, и Бад-Ишль, – сказала Аня. – И еще бог весть что. Однако, даже если мы выясним название, которое содержит документ, то все равно останется непонятный шифр. Что значат все эти точки, цифры и тире среди готических букв?

– Как раз в этом я могу разобраться, – внезапно заявила Элиза. – Мне кажется, подобным шифром мы с Клаусом пользовались, чтобы наши письма не прочли чужие.

– Чужие? – удивилась Аня.

– Мы с Клаусом знакомы еще со школьных лет, – принялась объяснять Элиза. – Оба мы росли в больших семьях. И у меня, и у него была куча младших братьев и сестер, которые обожали совать свои носы в дела старших. Поэтому вскрыть письмо старшей сестры им было очень интересно. Чтобы отучить маленьких негодяев шпионить за нами, мы и разработали этот шифр.

– И ты сможешь прочесть, что здесь написано? – недоверчиво спросила Мариша.

– Нет, все не смогу. Потому что больше половины текста отсутствует. Этот листок с переводом никуда не годится. Кто додумался переписать готический шрифт на современный?

– Мой муж, – сказала Аня.

– Нужно взять у него образец, с которого он делал свой перевод, – сказала Элиза. – Иначе ничего не получится.

– Совсем ничего?

– Понять примерно, о чем идет речь, я, может, смогу и по имеющимся фрагментам. Начать?

– Конечно, начинай! – хором закричали подруги. – Какие могут быть сомнения!

– Тогда пошли ко мне домой, – решительно сказала Элиза.

Это была здравая мысль. И в самом деле, сидя на скамейке, не больно-то удобно расшифровывать этот ребус. Поэтому подруги охотно последовали за Элизой. Квартира девушки

располагалась на первом этаже и состояла всего из двух небольших комнат, кухни и холла. Очутившись дома, Элиза кинула в угол свою сумку и сразу же направилась к столу.

– Пока ты читаешь, я могу ополоснуться? – спросила у хозяйки Мариша. – От сегодняшней беготни пропотела вся насквозь.

Элиза, не оглядываясь, кивнула. Она уже с головой погрузилась в работу. Поэтому Марише пришлось самой искать санузел. Квартира была невелика, и Мариша быстро нашла нужное помещение. А вот ванны, сколько ни искала, не обнаружила. Вместо ванны у Элизы была маленькая душевая кабинка.

– О господи! – вздохнула Мариша. – Проклятые капиталисты. На всем экономят.

– Мариша, ты же не собираешься затевать здесь длительные водные процедуры? – зашипела ей на ухо Аня. – Это же неудобно! Ты что, не понимаешь?

– Неудобно, когда от тебя потом разит, – возразила Мариша. – Тебе хорошо, а я уже двое суток не моюсь. Сначала билет до Вены доставала, потом с тобой разбиралась, потом мы с тобой махнули в Грейн. А теперь вот оказались в Граце. Привести себя в порядок времени не было.

– Делай как знаешь, но учти, что я против, – проговорила Аня, недовольно хмурясь.

Душ Мариша все же приняла. Освежившись, она появилась в гораздо лучшем настроении. Обмотавшись большой махровой простыней, она навертела на голову в виде чалмы банное полотенце. То и другое она нашла в шкафчике в ванной Элизы.

– И тебе советую вымыться, – бросила она Ане. – В конце концов, мы с Элизой теперь в некотором роде свои люди, единомышленники. И чего стесняться?

Но Аня не успела ответить. Потому что из комнаты появилась довольная Элиза с испи-санным листком бумаги.

– Расшифровала все, что могла, – сообщила она. – К сожалению, смысл фраз очень туманный. Речь идет о каких-то химических реакциях и направлении, в котором нужно двигаться. Я лично ничего не поняла. Может быть, нам найти специалиста, он лучше поймет...

– Еще чего не хватало! – возмутилась Мариша. – Кто поручится, что этот специалист не начнет гоняться за нами, как те другие...

– А больше ты ничего не выяснила? – спросила Аня у Элизы.

– В конце Клаус описывает место, где он спрятал эту вещь.

– Эту вещь? – хором воскликнули подруги. – И что это за вещь?

– Ценная? – спросила Аня.

– И как называется?

– Не знаю, – удрученно пожала плечами Элиза. – Клаус ее называет просто: «Эта вещь». А что это, я не поняла. Но явно что-то ценное, раз он так за нее волнуется. Если только все это не дурацкий розыгрыш.

Аня вспомнила труп Кристины и поежилась.

– Не думаю, – помрачнела она. – На розыгрыш не похоже.

– И что будем делать? – задумалась Элиза. – Без двух, даже трех других частей плана нам не разыскать места, где Клаус сделал тайник. И не понять, что же он там спрятал.

– Значит, нужно раздобыть недостающие части, – бодро сказала Мариша.

– Но как? – простонала Аня.

– С одной вообще просто, – сказала Мариша. – У твоего Герберта ведь есть обрывок? Думаю, когда он узнает, что у нас уже есть целых два с половиной обрывка, то немедленно захочет присоединиться к нашей компании.

– Но мы не знаем, где сам Герберт, – возразила Аня.

– А вот насчет этого и вовсе волноваться не стоит, – сказала Мариша. – Герберт ведь знает, что Кристинин обрывок у тебя? Значит, он попытается завладеть им. И как можно ско-

рее, пока его не опередили другие соискатели. Например, тот же Блондин. Думаю, останься мы дома, как он тебе велел, уже давно имели бы счастье побеседовать с ним вторично.

– Так ты предлагаешь вернуться домой? – спросила Аня.

– Девчонки, я с вами, – забеспокоилась Элиза. – Что мне тут делать? Нечего, если разобратся. Клаус не появлялся, так что я спокойно могу уехать. Сидя дома, я ему не слишком-то помогу.

– И к тому же рискуешь напороться на тех арабов, – сказала Аня. – Думаю, что они еще дадут о себе знать. Наверняка, пока ты гостила у мамы, они ошивались где-то поблизости от твоего дома и поджидали тебя. На их месте...

Но ей не удалось договорить, потому что в дверь квартиры позвонили. Девушки притихли, словно испуганные мыши, слышавшие кота. После второго звонка они, не сговариваясь, плюхнулись на пол.

– Кто это может быть? – прошептала Аня, лежа на животе. – Соседи?

Элиза отрицательно покачала головой.

– Нет, у нас с соседями есть условный звонок, – пояснила она. – Это кто-то чужой. Может, почтальон? Открыть?

– Ни в коем случае! – испуганно пискнула Мариша. – Совсем с ума сошла?

– Но не убьют же они нас, когда кругом люди? – удивилась Элиза.

Мариша только хмыкнула в ответ. В дверь снова позвонили. На этот раз звонок был продолжительным. Непрошенный гость, похоже, уходит явно не собираясь.

– Может, нам глянуть, кто там звонит? – нерешительно проговорила Мариша.

– У меня на двери нет «глазка», – предупредила Элиза.

– Это усложняет дело, – пробормотала Мариша. – Аня, а ну-ка глянь, нет ли под окнами кого-нибудь постороннего.

– Почему я?

– Потому что я не одета, – объяснила ей Мариша. – Сама же видишь, я вся замотана в полотенце, словно египетская мумия.

– Увидишь, испугаешься, – пробурчала Аня. – А если там под окнами кто-нибудь есть? И что, если этот «кто-нибудь» меня заметит и начнет палить по мне из ружья? Думай, Мариша, что предлагаешь!

– Не ссорьтесь! – прикрикнула Элиза. – Я, кажется, нашла выход.

Она подползла к телефону, накрыла его подушкой и стала набирать чей-то номер. Затем приглушенно заговорила в трубку. Даже подругам не удалось разобрать ее слов. А уж тем, на лестнице, и вовсе ничего не могло быть слышно.

– Все в порядке, – сказала Элиза, возвращаясь к подругам. – Сейчас соседка выйдет во двор и посмотрит, что там делается.

Минут через пять Элиза позвонила снова. Она слушала отчет соседки, и ее лицо вытягивалось и бледнело.

– Ну что? – спросила сгоравшая от нетерпения Мариша.

– Она говорит, что перед моей дверью стоят двое арабов. Те самые, что приходили, когда я гостила у мамы. И уходит они, похоже, не собираются. Соседка спрашивает, не вызвать ли полицию?

– Полиция – это хорошо, – заметно приободрилась Аня. – Пусть их задержат.

Элиза снова сняла трубку, но на этот раз не успела набрать ни одной цифры. Входная дверь угрожающе затрещала. Арабам явно надоело ждать, пока им разрешат войти. И они задумали обойтись без разрешения. Для чего приступили к выламыванию дверных замков. А что там было выламывать-то? Замков было два, и оба довольно хлипкие. Они никак не могли долго продержаться.

– Боже, через минуту эти типы будут здесь! – взвизгнула Аня. – Боже, помоги мне! Я еще так молода! Не хочу умирать. Боже, сделай что-нибудь!

Пока она молилась, Мариша развивала бурную деятельность. Теперь маскировать свое присутствие в квартире не было необходимости. Одним махом она с грохотом перетащила к входной двери диван и шкаф, в котором было не меньше центнера. А сверху нагромодила несколько предметов габаритами поменьше.

– Под окнами никого нет? – озабоченно спросила она у Элизы. – Соседка не сказала?

– Под окнами никого, – ответила Элиза, клацая зубами с такой силой, что они у нее просто чудом не вылетали.

– Тогда уходим через окно, – скомандовала Мариша. – Анька, кончай молиться. Давай двигать отсюда!

– Через окно? – растерянно бормотала Элиза. – Это как?

У подруг даже не было времени пожалеть ее. Арабы уже справились с одним замком и теперь принялись за второй. Поэтому Мариша распахнула окно, подтащила к нему Элизу и усадила ее на подоконник.

– Прыгай! – велела она.

Элиза послушно прыгнула. Внизу был газон и красивая клумба с цветами. Так что прыгать было не страшно. Аню Марише не пришлось уговаривать, она все сделала сама. Мариша, как была в банной простыне и с обмотанной полотенцем головой, сиганула из окна последней. Клумба к этому времени основательно потеряла уже свою красоту. Но свое благородное дело она сделала.

Мариша резво вскочила и помчалась следом за подругами к выходу. Банная простыня развевалась на ходу, но Мариша не обращала на это никакого внимания. Чего нельзя было сказать о встречающихся девушкам прохожих. А людей в этот вечерний час, как назло, на улицах было много. И все без исключения останавливались словно громом пораженные. Раскрыв от удивления рты, они еще долго смотрели вслед мчавшейся на всех парах красивой крупной девушке с босыми ногами и обернутым махровой простыней торсом.

Элиза бежала впереди. Аня с Маришей, искренне надеясь, что у подруги есть план, куда бежать, мчались за ней следом. Особенно надеялась на это Мариша: ей, что ни говори, босиком бегать было несподручно. Австрийские улицы вовсе не были такими уж безупречно чистыми и ровными, как о том принято думать. Во всяком случае, Маришины ноги имели свое собственное, причем очень даже негативное, мнение о состоянии австрийских улиц.

– Лизка, нам еще долго? – наконец крикнула Мариша.

Элиза немного замедлила темп и удивленно оглянулась на подруг.

– Откуда я знаю? – сказала она. – Я думала, вы знаете, куда нужно бежать.

– У тебя машина есть?

– Есть, – кивнула Элиза. – Трехлетний «БМВ». Только стартер барахлил, и я отдала ее в автосервис. Может быть, машина уже готова. Не знаю.

– Где этот автосервис? – спросила Мариша.

Элиза растерянно огляделась по сторонам.

– В таком виде тебе туда идти нельзя, – предупредила она Маришу. – Нас из-за тебя задержит полиция. И вообще ты привлекаешь к себе внимание. Здесь неподалеку, в соседнем доме, есть магазин готовой одежды. Мы подберем тебе там что-нибудь.

И подруги направились в магазин. Он был уже закрыт, но хозяин еще находился в помещении. Несколько решительных ударов в стеклянную витрину заставили его открыть свою лавочку для припозднившихся покупательниц. Впрочем, они его не слишком задержали.

Из магазина подруги вышли уже через десять минут. Времени у них было в обрез, Мариша схватила первое, что попало под руку. В итоге брюки оказались ей малы и не хотели

сходиться на талии. Их пришлось замаскировать длинной блузкой навывпуск с вышитыми, почти порнографическими изображениями индейцев на груди и спине рубашки.

Чтобы прикрыть это безобразие, Мариша накинула сверху куртку из какого-то синтетического материала. В куртке было нестерпимо жарко, и Мариша сразу же начала потеть. Зато обувь она купила подходящую – нужного размера кроссовки. И еще носки. Аня, как самая богатая, расплатилась с продавцом, и подруги вышли на улицу.

Арабов видно не было. До автосервиса, где стояла машина Элизы, подруги добрались без приключений. Машина была уже готова. Механики, выполнявшие срочный заказ, тоже были на месте. Так что подругам повезло. Ане пришлось снова раскошелиться, потому что Элиза успела прихватить из дома только свои записи и три обрывка драгоценной бумаги. Документы на машину, к счастью, были у нее в сумочке на поясе.

– Как хорошо, что я поленилась их вынуть перед поездкой к маме, – порадовалась Элиза. – Что же, теперь мы можем отправиться в путь?

Аня с Маришей влезли в машину Элизы, сама Элиза уселась за руль. И все трое направились обратно в Вену.

– Кстати, а где живет твоя мама? – спросила у Элизы Мариша.

– В Херлене, – ответила Элиза, нажимая на газ. – Нас не преследуют?

Несколько минут Мариша смотрела в заднее стекло на дорогу. Примерно через двадцать минут она убедилась, что за ними никто не следует. Или она просто ничего не видит. Что было более вероятно, так как уже совсем стемнело. И в темноте все машины выглядели приблизительно одинаково – как светящиеся белым или желтым светом пятна.

– Все же жаль, что полиция их не арестовала, – сказала Мариша, имея в виду приставучих арабов. – Сейчас нам было бы спокойнее.

Аня ничего не ответила. Она вообще с момента, как они сели в машину, пребывала в странной задумчивости. Мариша было приписала это тому, что подруга озабочена подсчитыванием понесенных убытков, и не трогала ее. Элиза тоже молчала. Поэтому какое-то время в машине царила тишина. Потом Марише надоело молчать, и она принялась веселить Элизу рассказами о том, как они искали ее в Граце. И скольких Ленеров им пришлось для этого обойти.

– А, так это вы к тете Вильме попали! – рассмеялась девушка, когда Мариша рассказала ей про многодетную супругу, к которой они попали первой.

– И та высохшая страшила, которую мы навестили потом, тоже твоя родственница? – удивилась Аня, очнувшись от своей задумчивости.

– Должно быть, вы говорите о моей троюродной сестре по отцу, – уточнила Элиза. – У нее несчастливая жизнь. Она страшно хочет замуж, но никто ее не берет. Все мужчины убегают.

– Неудивительно, с ее-то рожей, – пробормотала Аня себе под нос.

– У вас, должно быть, очень большая семья, – предположила Мариша. – Раз столько Ленеров живет в Граце. Мы сначала прямо растерялись.

– Да, у моего отца было семеро братьев, – рассказала Элиза. – И все носили ту же фамилию. И их жены, и их дети тоже. Так что разыскать нужного Ленера в Граце и в самом деле трудненько. А Элизабет – это традиционно женское имя в нашей семье. Но вам нужно было сразу же спросить обо мне у тети Вильмы. Та, которая с детьми. Она бы рассказала, как меня найти.

– Не догадались, – пожалела Мариша.

Так, за разговором, подруги доехали до Вены. На машине этот путь занял всего три часа. Причем Элиза не решалась особо гнать в темноте на только что отремонтированной машине.

– Не уверена, что в мастерской сделали все, как надо, – пояснила она.

– Тебе ведь стартер чинили? – удивилась Мариша.

– Да, но мало ли что, – туманно ответила Элиза.

Как бы то ни было, до дома Герберта они добрались. Аня вышла из машины и, задрав голову, глянула на окна.

– Дома никого, – сказала она. – В окнах нет света.

– Это еще ни о чем не говорит, – вздохнула Мариша, выбираясь следом за подругой из машины. – Нас могут ждать и в темноте.

Аня только поежилась.

– Что-то не хочется мне туда соваться, – сказала она.

– Стыдись! – укорила ее Мариша. – Это же твой дом. Ничего страшного с тобой не случится. Вряд ли арабы успели обогнать нас и устроить засаду в этой квартире. Зачем им это нужно? Они вполне могли накрыть нас по дороге. Но почему-то этого не сделали. Так что пока мы в безопасности. А может быть, они вообще не знают нашего адреса.

– Хотелось бы верить, – снова вздохнула Аня.

К этому времени Элиза, припарковав машину, вернулась к подругам.

– Ну что? – бодро спросила она. – Идем? Не стоять же нам тут всю ночь.

И подруги храбро двинулись вперед. Примерно на половине лестницы Аня остановилась.

– Я дальше не пойду. Я боюсь, – пролепетала она.

– Не дури, – зашипела Мариша. – Как иначе нам найти Герберта?

– Не пойду, и все, – заупрямилась Аня. – И плевать я хотела на Герберта и все его странности. Пошел он знаешь куда?

– Ладно, давай мне ключи. Я пойду первой, – сказала Мариша.

– Вот этот от нижнего замка, – обрадовалась Аня, передавая Марише связку ключей. – А этот – от верхнего. Он иногда заедает. Так ты с ним поосторожнее. Не хватало нам еще торчать тут среди ночи в ожидании слесаря.

С зажатыми в руке ключами Мариша поднялась на лестничную площадку. Пока все было спокойно. Мариша вставила ключ в замочную скважину и открыла нижний замок. Потом верхний. Он не заедал. Так без особых хлопот Мариша оказалась в темной квартире. Она огляделась, потом принюхалась. Вроде бы ничем не пахло.

На всякий случай сначала Мариша зажигать свет не стала. Вдруг с улицы следят. Сначала она убедилась, что все окна плотно зашторены, и только потом включила электричество. Держась друг за друга, девушки принялись обходить квартиру, заглядывая во все помещения. Арабов не было. Убийцы в зеленой куртке тоже не было. Да и вообще кого бы то ни было тоже не было.

– Ладно, – вздохнула Мариша. – Давайте располагаться на сон. Лично у меня такое ощущение, словно в оба глаза по целой песочнице песку насыпали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.